

СМЕНА

СЛОВО ОБ ИЛЬЧЕ
НОВОЕ О ЛЕГЕНДАРНОМ РАЗВЕДЧИКЕ
КТО СТОИТ ЗА СПИНОЙ ПЕТРОСЯНА

№ 8 (886)

АПРЕЛЬ 1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДА ВЕЛИКАЯ, БЕСКОНЕЧНАЯ

Наш корреспондент объявился в известному советскому графика В. А. Иванову с просьбой рассказать о том, как он работал над серией рисунков, посвященных В. И. Ленину. Вот что рассказывает художник о своем многолетнем труде:

— Приверженность к учению Ленина у меня всегда была связана с глубоким интересом к личности этого великого человека. Я с увлечением читал воспоминания о Ленине. В разные годы мне приводилось встречаться с людьми, много раз видевшими его в разных обстановках. Расспрашивая их, я старался усвоить облик Ленина, его выразительные манеры поведения, предстать себе, как он говорил, как держал себя.

Мне хотелось добиться верного, правдивого изображения ленинской внешности. Обычно художники пользуются моделью, натурщиками. Я долго и упорно искал, но так и не нашел человека ленинского телосложения и пропорций. Ленин был небольшого роста, но очень пропорционально сложенный человек с прямой, ладной фигурой, собранный, энергичный, стремительный. В работе над образом Владимира Ильича мне очень помог набросок с Ленина скульптора Андреева, где указаны в сантиметрах пропорции ленинской фигуры.

Значительно труднее оказалось передать жест и выражение лица Ленина. Композиция «Ленин на субботнике» была задумана в связи с фотографией, где мне очень понравился удивительно прилежательный, полный бодрости и энергии облик Ленина, беседующего на ходу с иностранными гостями. К сожалению, снимок, по правде, но мне, был очень плохого качества: почти невозможно было угадать черты лица. Но в фигуре было столько обаяния и она мне так понравилась, что я специально для нее придумал сюжет и композицию, позволяющие сохранить поворот головы с задорно запрокинутой челкой.

Основой для создания одного из портретов Ленина в серии рисунков в 1949 году, также послужила очень нечеткая фотография — кинокадр. Но меня пленяли встанавленная голова и, главное, линии рта. Я целый месяц искал, как заполнить новой формой контуры этого несовершенного снимка.

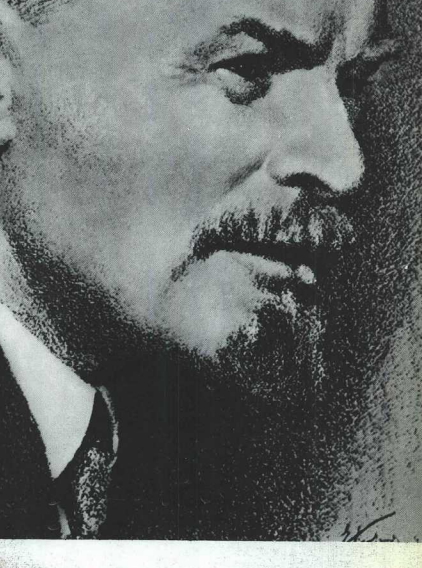
Во всех остальных случаях я брал за образец скульптурный портрет Ленина работы Андреева, выполненный ваятелем с натуры. Он помог мне сохранить характерные пропор-

ции и достоверность общей формы. За исключением трех портретов все мои работы изображают Ленина участником того или иного события. Ведь трудно предстать себе Ленина вне его исторической роли. С ранних лет он посвятил всего себя политической борьбе рабочего класса, строительству пролетарской партии, подготовке революции и, наконец, созданию Советского государства. Мой целью было показать в каждой композиции какую-либо черту ленинской личности, характера. Я ставил перед собой задачу портретно-психологического порядка. Так, в работе «Ленин в подполье. Июль 1917 года» я хотела показать Ленина — ученого, теоретика партии в рисунке «Ленин в Разливе» — Ленина, мечтающего, уносящегося мыслями в будущее; в композиции «Есть такая партия!» — Ленина-бояца, страшного и непримиримого; в рисунке «Ленин на субботнике» — Ленина веселого, с подлинным работающего наравне с другими участниками «великого почина». Поэтому, стараясь сделать фигуру Ленина как

можно крупнее, я изобразил только минимальные элементы события, позволяющие охарактеризовать Место действия. В некоторых сюжетах я сознательно нарушаю историческую достоверность в трактовке ленинской внешности. Известно, что в Разливе, где Ленин скрывался от агентов контрреволюции, он до неузнаваемости изменил свою наружность: носил парик, сбрил усы и бороду. На фотографии из паспорта, которые он пользовался в те дни, его действительно невозможно узнать. Также и в Смольный он пришел загримированным. В этом фактическая и документальная правда. Но правда искусства требовала от меня другого. Зритель должен видеть Ленина таким, каким его знают и любят миллионы. Если же его именна назвать совершенно непохожим на Ленина человека, зритель может не принять этот образ. Может быть, кому-то и удастся изобразить Ленина неузнаваемым и одновременно знакомым и близким, сосредоточив внимание, например, на ленинском

взгляде — мудром, пронзительном, готовым вспыхнуть веселой усмешкой. Особником стоит композиция «В Смольном». В отличие от других работ она построена на рассказе, а не на образе главного действующего лица. Герой композиции, если так можно сказать, — общая атмосфера первых дней и ночей Советской власти. Собирая материал, я знакомился со Смольным, с теми его залами, где работали большевики. Я старался представить себе полные напряжения дни и бессонные ночи октября 1917 года. Вот, в общем, и все, что мне удалось сделать в раскрытии ленинской темы. Все рисунки объединены в две серии: «Ленин в 1917 году» и серия рисунков и поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

Понимаю всю грандиозность темы, я рассматриваю свои работы как одну из первых попыток советских художников подойти к ленинской теме. Ее решение — за художниками будущего, но эта тема огромна, бесконечна, с ней связаны самые высокие идеалы нашей революционной эпохи.

Иван АЛЕКСЕЕВ

Сердце —
 В кровообращении флага,
 К свету из тьмы —
 над вселенной факел,
 Звезда,
 возглавляющая созвездье,
 Земного света
 направляющий вестник
 Нам
 и векам
 Это он, Ленин сам.
 Это
 бессмертный профиль планеты
 На всех партбилетах,
 на всех партбилетах,
 На комсомольских наших билетах,
 На пионерской звонкой груди.
 Дорога к свету,
 дорога к свету,
 Утверждающая победу,
 Это он, Ленин сам,
 Нам
 и векам.
 Клич всей земле — люди вместе!
 Люди вместе
 на пути к созвездьям.
 Это он, Ленин сам,
 Нам
 и векам.
 Границы неба, границы земли
 Выкуи мыими стали.
 Но на утесах старых веков
 Наше знамя — вечная новь.
 Это он, Ленин сам,
 Нам
 и векам.

Перевод с якутского
 ГР. КОРНИНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
 ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания сорок первый
 Выходит два раза в месяц

8

(886)

АПРЕЛЬ
 1934

ЛЕНИН И ПОЛЬША

(СТРАНИЦЫ КИНОСЦЕНАРИЯ)

ОТ АВТОРОВ

Сценарий рассказывает о жизни Владимира Ильича Ленина в Кракове и Поронице накануне и в первые дни мировой войны 1914 года.

Нам кажется, что пришла время подойти к ленинской теме по-новому, более зрело, используя весь богатый опыт, накопленный советским киноискусством. Пришла пора, когда следует попытаться раскрыть глубокой и многообразный мир ленинской мысли: рассказать о движении ленинской мысли в один из поворотных моментов истории, о формировании тех или иных, ставших впоследствии основополагающими ленинских формул и определений.

Этому действию мысли соответствует и форма сценария, предлагаемая нами. В сценарий — всего лишь несколько дней пребывания Ленина в Новотареской (Неймартской) тюрьме, куда он был заключен вскоре после объявления войны по нелепому обвинению в «шпионаже» в пользу царского правительства.

Весь сценарий от начала до конца строится как устный рассказ Владимира Ильича. Мы слышим голос его размышлений, воспоминаний — голос мысли, и видим на экране ряд сцен, шлоя ряд непосредственно связанных с тем, о чем идет ленинский рассказ, а также соотносящихся с ним сложными ассоциативными путями.

Нам кажется, что этот ленинский монолит позволит, неизмеримо шире, свободнее и глубже проникнуть в той ленинских размышлений, идейных, мечтаний, в остроту его оценок людей, событий, политических, житейских и нравственных проблем.

Такой монолог-рассказ оправдывается еще и тем, что в момент, о котором идет речь в сценарии, Ильич заключен в четыре стены тюремной камеры. Он находится в одиночку.

Ленин, осмысливший тюремными стенами в один из самых трагических часов истории, и глубже проникнуть в свой ленинских размышлений, идейных, мечтаний, в остроту его оценок людей, событий, политических, житейских и нравственных проблем.

Ленинская мысль в своем полете как бы раздвигает эти стены и находит то основное и самое важное, что определяет стратегию пролетариата на многие годы вперед, определяет ее и в наши дни.

В основе всех событий сценария лежат различные факты, мы лишь позволим себе шлоя теоретического обобщения придать им то образное толкование, которое должно сделать сценарий и фильм произведением искусства, а не иллюстрационным пересказом известных исторических данных.

Плынут пейзажи старого Кракова.
 Трясутся сады дешевого фазова два старых,
 поряжевших чемадана.

Плетется лошадедка, подговяемая извощичьим бытом: «Вье, вье!»

В фазтоне Ленин, пальтою чера руку, на голове шляпа-котелок; рядом Надежда Константиновна.
 Извощич едет по центру города.

ЛЕНИН. Мы переживали из Парижа в Краков, чтобы быть поближе к России. География великодушная — галеты из Петере приходящая на третий день. Здесь дружно сошлись мы с польскими социаль-демократами, конечно, с лучшими из них, с теми, кого окрестили тут «ромовишани», то есть расколуками в переводе на наш, российский язык. Мы толковали с ними о многом, но больше всего о борьбе польско-рабочих в той части Польши, которая входила тогда в состав Российской империи. Я ведь всегда считал эту борьбу важной частью нашего общего революционного движения и стоял на том, что самым польским расколукам надо следовать большевистским путем...

Трясутся два чемадана, бежит лошадедка — те-

перь это уже окраина Кракова, амбары, домики и сады...

ЛЕНИН. Устроились мы в Кракове на окраине, работу наладил музыка, польские наши друзья помогали во всем. Особенно приоткрыто наладили они переборку музыкальных инструментов и документов из России, что было по тем времена совсем нелегко...

...Краковский коток, освещенный гирляндами лампочек.
 Премит веселая музыка в исполнении австрийского военного духового оркестра. Много катюхихих. Среди них Ленин. Он скользит на коньках, подталкивая перед собой кресло-санки, на которых сидит Надежда Константиновна. Она заблю прятать руки в круглую муфте. К Ульяновскому подлезает на коньках тот самый мужчина в меховой шапке, которого мы встречали на мосту, с ним Дамы. Дамы отстает с Крупиской, а мужчина скользит с Ильичем по катку. Дамы наклоняется к Надежде Константиновне, и вот пахет уже в муфте Крупиской.

ЛЕНИН. Чаще всего мы общались с семьей товарища Гандево. Это был отличный польский

социал-демократ, через него я держала постоянную связь, что было отнюдь не просто, если принять во внимание, как Ганейщик катался на коньках.

Бач! В самый разгар горячего разговора Ганейщик падает, увлекая за себя Владимира Ильича. И оба разлетаются в разные стороны, лицом в снег, хохоча.

ЛЕНИН. Потому иногда мы переносили наши встречи в «Иллоэнов»...

Маленький тезисный «Иллоэнов». Играет тапер за разбитым пианино. Сидят рядом Леонидович и несколько польских товарищей. Они шепотом обмениваются репликами, не отвлекая глаз от экрана.

ЛЕНИН. Жена моя, Нада, в шутку делала всех наших друзей и знакомых на «прогуманство» и «интервенцию» — то есть на доброту, покладистость и обожательный синематограф. Я был отчаянным «прогуманстом» и изменил своей вере только в целях конспирации и для того, чтобы посмотреть синематографические журналы...

На экране кадры той же самой кинохроники. Цеплет Баеро через Ла-Манш... Немцы кричат «пейлш»... Балканская война... Ступок Беренсена... Заводы Крулла... Заводы Виккерса... Парижская биржа... Минералы алмазского фронта... Совещания дипломатов... Колониальная война...

ЛЕНИН. Можно было совсем не читать газет, а только видеть эти журналы, чтобы понять как выходящиеся, вернее, распадающиеся, восточные кадры многого толков о будущей всемирной войне...

Один из поляков сидит в зальчике «Иллоэнов» рядом с Ильичем, наклоняется к нему и тихо о чем-то спрашивает.

ЛЕНИН. Наверно, вы ждете войны? — спросил меня как-то знакомый польский газетчик Майковс...

Так же несильно Ленин отвечает журналисту, ЛЕНИН. Нет, я хочу ответить... — Я ни в коем случае не мечтаю пролетарские стрельбы друг друга, распыляясь за безудные капиталы... Хотел бы жить и работать на нее — это одно. А объективно предвидеть войну и стремиться к ней — это совсем другое дело. Ибо война — это совершенно иное...

Поздний вечер. Ленин прощается у «Иллоэнов» с журналистом и друзьями.

По снежку краковских улиц, где в этот час почти никто не ходит, выходящая из театра, так по бульвару Пялты уходит с песнями подыпывающие студенты, идет домой Владимир Ильич.

Проходит мимо Фларинской браны — ворот в старинной стене, где горят свечи перед иконами, затем — по все более и более пустынным улицам, освещенным газовыми и керосиновыми фонарями.

Вот и улица Любомирского, застроенная только с одной стороны... Ильич забегает по лестнице. Звонит...

Открывает совсем юная девушка и застывает в испуге и замешательстве...

ЛЕНИН. Так, а первый раз в жизни увидела и Улька, которую так выжидала потом, увидела в тот день в присутствии добрейшей тещи мае Елизаветы Васильевны...

ЛЕНИН. Летом, как я уже говорил, мы переехали из Кракова в местечко близ Дубника, так на окраину Поронина, в предместье Тарт. Дубиналь так даже лучше, чем в Кракове, время было горячее, началось новое подьяем на Русь, росли коммунистические организации, в Питере выходила «Правда» и в каждый день мы следили туда статешники да нисулы...

Что-то закипело на плите, и Улька, оторвавшись от карт, бросилась к плите, схватила небольшую кастрюльку и стремглав кинулась с ней через ступеньки по винтовой лестнице наверх, в кабинет.

...Мерное шуршание плит. На дворе плещут дождь Ленин и Улька. Ловкая, ладная работница...

ЛЕНИН. На третьем бревне она спросила меня: «Плане Володимирске, а вы идете на войну, а вы идете в горы? Возьмите меня с собой...» Что за охалка! Я не помнюша, что она любит гонять по горам, хотя знала ее уже много месяцев. Конечно, восторжничать никогда не позволялать нам именные таким, как она есть в себе!

...Ленин и Улька взбираются по горным тропам. Дубник, водопад... С небольших обрывных площадок видны широкая цепь Выховских Тарт и села разбросанные внизу.

Улька весела, беззаботна, взбирается на кручи легко, срывается, снова карабкается...

ЛЕНИН. Правду сказать, мы с Надей тогда не чаяли в этой девушке. Была она какая-то дуб-

кая и смелая, сдержанная и живая, от всего она вдала помощи — и от хохота и от слез. С ней пришла в наш дом лентя, туберкул, сучья, беготня, рабобития напика, спорожнутого касторки, велик на конспиративной корреспонденции, мазь для бровей и запах плохого одеколона. И все сразу вдруг осолодело, ожило, стало уютной, домашней в нашем безлюдном доме. Все жилось переверну мы с Надей, что у нас вот детей, и вот появилась вдруг странная дочка, смешная и трогательная, весь день засыпавшая по дому, валевающим, грязная леденца, помотанная нам пакотами, проламывавшая против щера и буржуазия и то и дело бегавшая в костях...

...Восхождение продолжалось.

Далеко-далеко, на остром гребне, появляется фигура в черной сутане и круглой шляпе. Фигура идет навстречу нашим путникам.

Едва завидев кензю, Улька спешит к нему... ЛЕНИН. Вот так чудесня! Оказывается, что и наш кензю забирался так высоко.

...Мы иддем вместе с Ильичем, постепенно сближаясь с кензюдом и Улькой, которые о чем-то горло говорят.

Пройдя мимо Ленина, кензю нежеланно и потчительно поднимает шапку. Он долговяз, охотка, степенный, робок. Ленин отвечает ему поклонком. Кензю идет вниз.

Улька и Ленин продолжают восхождение...

ЛЕНИН. Я спросил ее: как попал в такую даль кензю. Она сказала, что он пришел благополучно болавою. Я спросил, что за лесок из нее дам. Она промолчала. Я заговорил с ней о том о сем. Она молчала. Видно, кензю уже поговорил с ней о том о сем...

Ленин и Улька наут амальше в горы.

Вот Ильич по-приятельски поподоровался с крестьянином, собиравшим с женой сено в стог. Потом с другим, охватывавшим яблоню, перекинувшись с ним двумя-тремя приятельскими словами.

...Теперь Ильич и Улька взобрались повыше. Им навстречу спускается вниз по уложу, каменистой пологий на желоб дороге нагруженная горская повозка. Видно, что и вониза знаком Ильичу, потому что радостно приветствует его, быстро закручивает ручку тормоза и останавливает лошадей.

И слыт оно по-дружески и непринужденно толкуют о чем-то. Потом возникла раскрученная ручку тормоза, взмахав бичом, и повозка опять ползет вниз. Ильич и Улька карабкаются выше.

ЛЕНИН. Откуда вы всех их знаете? — спросила Улька. — А вообще со всеми знаком, — сказал я...

Улька останавливается и удивленно смотрит на Ильича.

ЛЕНИН. Со всеми познал быть знакомым, — сказал я. — А я вот знаком, — ответил я. — Хочешь поспорим, что кто бы ни встретился нам, — я с ним знаком!

Улька смотрит на Ильича: не шутит ли он, — потом решительно протягивает руку. Ленин берет ее руку в свою и шутливо прижимает ладонью другой руки в знак того, что пари состоялось.

...Наши восходители добрались уже до горных лугов. Приближаются к пастуху, пасущему овец. Улька выжидала, чуть иронически смотрит на Ильича.

Но я в пастух знаком Ильичу, и по-приятельски приветствует его, и подходит к нему, чтобы перекинуться парой слов.

То же происходит с женщиной, страшной бедле возле одинокой горной хижинки, и с группой дворянских, спускающихся с пашами и топорами вниз, и даже с девочкой лет десяти, идущей с вязанкой шерсти.

После девочки Улька, окончательно сраженная, смотрит на Ильича так, словно видит чудо.

ЛЕНИН. Мне казалось, что этот спор я выиграла легко. Ведь Улька была невдомек, что я множество раз всходила эти места, была в каждом доме, на каждой ступеньке пастушка, лесорубов... В те дни я писала об аграрном вопросе в Галиции, и мне драгоценны были экономические и бытовые данные, собранные вот так, прямо с земли, на первых рук, из первых уст, не замутненные никакими экономистами и социологами. Я дружила с крестьянами, ночевала у них, помогла чем мог, приносила газеты, лекарства, составляла жалобы на начальство... Однако в конце концов спор и несомненно проиграл: Улька знала меня к человеку, с которым я еще не встречалась...

...Вместе с Лениным и Улькой поднимаемся по тропке к плохой горной пастушью хижине.

Она открывает нашему взору в тот самый момент, когда возне не разыгрывается довольно бурная сцена. Человек в одежде пастуха яростно переругивается с другим человеком, костлявым и высоким. Мы не слышим слов, но видим, что страсти накалены.

Взруг костлявый бросается с палкой на пастуха, тот отвечает ударом, и вот они уже валяются по земле, стараясь угодить друг другу в глаза или нос...

Пастушья собака бешено рвется на привиз.

Не успевают Владимир Ильич понять, в чем дело, как Ульяна стремительно кидается к дерущимся и, крича и плача, старается разнять их...

Подбегают Ильич и с силой раскладывают дерущихся в разные стороны: им очень нехорош физически.

Утирая кровь рукавом, ругаясь, кастельный идет по тропке вниз. На краю обрыва кричит что-то пастуху, грозит кулаком и сукноватой палкой.

И тут-то и происходит именно та сцена, которую мы видели в воспоминаниях Ильича в камере: вие себя пастух кидается к собакам, мимовременно отшатывая их, те бросаются вслед и кастельный человек едва спасается, спрыгнув с обрыва.

Лягу пастуха, оваренное кстром. Да, это как раз тот парень, с которым Владимир Ильич внезапно встретился в коридоре Новоторгской тюрьмы.

Тут же у кстра сидят Владимир Ильич и Ульяна. Пастух что-то горько, извользовано и сердито рассказывает...

ЛЕНИН. От «А» до «Б» это была простая история. Пастух был в горах овцы, то есть была коза, которую называют «козас. Он варила овечьи сыр и продавал его работящему кормару. Слева кормарь плаща прошл испрано, но онаякми не заплатила. Потом снова не заплатила, но прислала за сыром. Пастух не дал. Тогда кормарь явился к интелюскому пастуху самодельно. Словно за словом, кормарь попробовал пустить в хозу палку. Вот тут-то пастух и выдержал и ввел в бой собаку...

Ульяна мывает остаток похабки, те жамно набрасывается на еду. Пастух рассказывает просто и так ударает воздух по тяжелому чурбану, что тот звизнует в воздухе...

ЛЕНИН. Об этом-то и рассказана мне пастух, звал его Анджай, был он парень справный, как бык, так говаривала некогда один казанский рабочий. Не мемля и не салютит. С такими людьми приятно знакомиться. Впрочем, чем дальше, тем больше чудилось мне, что познакомился с ним только «— Ульяна же, казался, она более чем отлагно...

В том, как Ульяна бросает на Анджай утеркаой взглядом, мы видим, сколь справедлива догадка Ильича.

ЛЕНИН. Как марксист, я сказала, что травая собаками есть теор индивидуальной, собаками ничего не добьются. Тут я вдруг вспомнил, что провирала спор, но Ульяна и не заметила своей победы. По ее глазам я уразумел, что больше все-

го на свете она хочет, чтобы я пошел погулять и оставил их втуне и вдобаво...

ЛЕНИН. Но ведь сама Ульяна стоит в крутой скале, откуда открывается изумительный вид на весь край польских Татр.

ЛЕНИН. По правде сказать, мне было досадно, что Ульяна ничего не сказала мне про сего Анджай. Ну, не сказала — и ладно. Я же и тогда гула от себя и Ульяку, и пастуха, и аркадиские их идиалы: было о чем подумать куда поуже...

Ильич замолчало присел на камень.

ЛЕНИН. Хотелось аркадиско. Тут я поймала себя на том, что становлюсь схожим на ученого сухаря, который, дескать, настолько возмущается утвено, что не хочет думать о пустаках...

Рывал любовь — пустаки! Странный дело, идиалы. Ну, не сказала — и ладно. Я же и тогда ругательски ругаю буржуазный брак, импротивопоставляю ему мимолетную связь, мимолетную прелесть. У молодых супругов поцелуй без любви грешен — «Хотелось аркадиско». Вот и тогда, что Казалось бы, поцелуй с любовью, да любовь, черт возьми, колоссальную, беззастенчивую, которая высе гряды, мешанства, сальности, изюсты, денен! Почему же каждай, кто прочел «Анти-Дюпона» — «Хотелось аркадиско», считает своим долгом стыдиться этого слова?

Ильич резко встал, шагавша по краю обрыва. ЛЕНИН. Нет уж, душки, не дам в обиду любовь. Надо как-нибудь выискать об этом или выстыдиться, или что-то. Впрочем, не слишком ли много я в жизни нашлась статей и выступила с рефератами!

ЛЕНИН. Слова перед хижинкой пастуха. Через полуоткрытые двери видно, что в глубине хижинки Анджай и Ульяна, сидят палками, стоят перед какой-то картинкой, приклеенной к стене.

Они не замечают Ильича. Глаза их горят...

Камера постепенно приближается к антографу, приклеенной к стене. Картина изображает салуцию женщины и инновальном польском костюме. Из газа тект слезы, образует ручьи, разделяющиеся на три потока. На одном из них надпись «Австрия», на другом — «Германия», на третьем — «Польша».

ЛЕНИН. Только теперь я поняла, что за картинку даа Ульяна কেনда. Она была почти в каждом польском доме. Был в этом грубом лубке какой-то отчаянный ступок польского гроя. Как-кая-то грозная сила народа, растерзанного, но не сломленного. Как я любил это в палачи — не утомляющую злобу к порабощенной, неистребимую веру в то, что солнце взойдет!

ЛЕНИН. Уже не у дверей хижинки, а снова в поминании фотографии. Сидябы уже нестерпимо хотелось взглянуть на фотоаппарат, захвативший черным покрывалом, делая ему знака: выше голову, ниже, справа, влево...

Повернув голову влево, Ильич видит на стене фотографию тот же лубок, который мы только что видели в хижинке.

ЛЕНИН. Да, эта земля имела право на ненависть. Божье мило, что творится с Польские царские прихвостни...

Фотограф делает снимок. Готовится ко второму снимку и вырывает под черное покрывало.

ЛЕНИН. Как еще мало знала тут о другой России, которая в тюрьмах и казематах слышала польское дело, которая в лице Герцена встала грядущо за Польшу, когда царские зешатели распространялись с ней.

ЛЕНИН. в сопровождении конвойного идет в обратный путь по новоторгской рыночной площади...

ЛЕНИН. Им оставалось верить только к себе, и в той мере была и виновность, и гордость, и благодарность, и та страсть и проса патриотизма, которая стала душой народа и бушевала в каждом — от подростка до старика...

В сопровождении конвойного Ильич подходит к воротам тюрьмы.

ЛЕНИН. Так и думал о Польше, ахкая опять в эту австрийскую каталку. На ауло было скверно. Сколько продлилась все это! И не хватало, чтобы меня повесили, как шпона!

Ильич идет по двору. Входит в тюремное здание.

ЛЕНИН. Но, по словам Герраклита, мир не создан никем из богов и людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспаляющимся и закономерно утасоющим. И когда я, было, вносил этап, мир снова вспоминился: Надя абладевает слезами...

Комната следователя в тюрьме. За столом —

следователь, а возле, на стульях — Надежда Константиновна и Владимир Ильич.

ЛЕНИН. Не надо, на каком языке говорить с ней? И скажи следователю, что буду говорить по-немецки, хотя умею и по-польски. Вот на пример: «Я си лани чуже? Но он сказал на польско-русско-немецком: «Нех пан мунит як хьет, хоть по-каждому, ксер без полнакс».

Следователь отходит к окну и принимает пилировать ноты. Надежда Константиновна вынимает из корзины передачу, что-то рассказывает Владимиру Ильичу. И в том, как он забавливо гадит на нем, как поворачивает голову, как воясы, как трюшу за руку, как провела ладошко по ее убу и вытер набелаживанию у нее на глаза слезу, видно, как он любит ее, как озачобен ее сотрудничеством, ксер без полнакс.

ЛЕНИН. Да начла Надя сказала мне, что приходла Ганевич и говорила, что польские товарищи подаяли всех по поводу моего ареста. Уже есть петиция об освобождении, которую подписывают поляки-писатели, рабочие и кое-кто из университетских; что сама она отправила телеграммы членам парламента Виктору Адлеру и Гермону Диманду и те явились к министру внутренних дел, чтобы попросили ему обо мне кое-какие сведения.

ЛЕНИН. Тогда она сказала, что дети поругались со всеми. Это было так выразительно, что я едва не встал со стула. «Дай» — спросила я. — В большевистской партии вы не слышали, да вынести этой эволюционки, и я закричал: «В Думе!» — Был политич! — сказала же следователь. «Следователь остановился, внимательно прислушавшись к тому, что говорил Ленину.

ЛЕНИН. Однако и Надя, видно, решила идти напролом. — Дай! — сказала она. — Они голосовали против военных кредитов!

Следователь нажимает на звонок.

ЛЕНИН. Звонил, звонил, звонил! Теперь хоть в татары. Ни разу, черт-те с какого времени, я не был так смелым!.. Все патер! — спросила я.

Круская утвердительно кивает головой. Следователь нестерпимо звонит.

ЛЕНИН. Вы удалцы! Вот вам и русские пролетарии!

В дверях появляются каравулены. Следователь что-то твено говорит Ленину.

ЛЕНИН. Я прекращаю свидание, — сказала он. — Рассказывай дальше! — сказала я Наде. — Увести его! — крикнула следователь.

Каравулены хвоят Владимира Ильича под локти. Ища что-то к дверям. Ленич кричит, лязгит, следователь!

ЛЕНИН. А? Что вы на это скажете, герр офицер! Депутаты-большевики голосовали против войны!

В сопровождении конвойных Лени идет в камеру по узкому тюремному коридору.

ЛЕНИН. Да, это было удивительная, великолепная, сверхлогичная акция! Вот и вырвался из-под ареста! Идея была новая, рабочая сила, вырбис вои капитулянтов и ренегатов.

ЛЕНИН. Ульяна вталкивает в камеру. Резко захлопывается за ним дверь. Ильич шатает из угла в угол, утвываясь и бурно...

ЛЕНИН. Ну, так как же, господа крикуны! Вы чистый большевизм, обзынали раскольников, изменников, говоривали, что само имя наше будет навеки проклято русским рабочим классом. Чтой? Кто иррационально востоял! Кто сказал «всобщей» потояной оборонческой сивстоласке «вети»!

Ильич подходит к окну и ловко и весело, в ирботке сия трында, подгибываясь, использовал дад эту сию иррациональную решетуку.

ЛЕНИН. Нет! Нет! И нет! Давенко не ликовал я так, как в этой анафемской камере.

За решетчатым окном летела облака. Аппарат вымывал к ним, летел средн ихни, над холмами, догонила.

Рисунок О. УКОЛОВА

ПОЛЬША. ПОРОНИН. МУЗЕЙ В. И. ЛЕНИНА.

ФРАНЦИЯ. ПАРИЖ. БИБЛИОТЕКА НА АВЕНЮ ДЕ ГОБЕЛЕН.

Десять лет с походным этюдником

В прошлом году Краковское художественно-графическое издательство выпустило альбом польского художника Владзимежа Закшевского. В альбоме 96 пейзажей, объединенных одним названием «По ленинским местам».

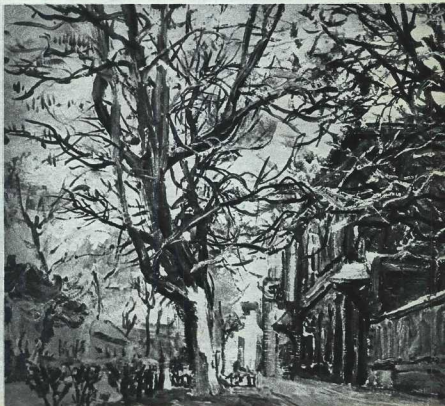
Удивительное впечатление оставляет этот альбом. Свинцово-серое небо над Поронином, жаркие краски острова Капри, тающие в тумане дома Лондона, узкие улочки городов Германии, веселая пестрота Гирска, широкий разлив Волги под Уамновском, величавая строгость архитектурных ансамблей Ленинграда. Вместе с художником мы совершаем увлекательное путешествие в прошлое и словно вдыхаем аромат давних дней, о которых напоминают нам немые свидетели того, ленинского времени. В этом доме Ильич провел свое детство, а в этом здании помещалась редакция первой ленинской газеты, здесь он любил гулять, а тут провел свои последние годы...

Более десяти лет отдавал любимому делу Владзимеж Закшевский. С походным этюдником объездил он ленинские места в России, Германии, Чехословакии, Франции, Англии, Швейцарии, Польше, Италии.

Альбом «По ленинским местам» — лишь предварительный итог деятельности талантливого художника, члена Польской объединенной рабочей партии Владзимежа Закшевского. Работа над циклом не закончена, она продолжится, пополняется новыми и новыми пейзажами, созданными кистью мастера. И эта работа не может не вызывать чувства признательности художнику у всех тех, кому дорог и близок путь, пройденный Ильичем.

Сегодня мы публикуем несколько пейзажей Владзимежа Закшевского из его ленинского цикла. Разумеется, они не могут дать полного представления обо всей работе талантливого польского художника, но и по ним можно судить о том, насколько удалась Закшевскому одна из главных тем его творчества.

СССР. УЛЬЯНОВСК. ДОМ НА УЛИЦЕ И. Н. УЛЬЯНОВА, 21.

ВЕЛЬГИЯ. ЛЕБЖ НАРОДНЫИ ДОМ.

ИТАЛИЯ. ДАЧА А. М. ГОРЬКОГО
НА КАПРИ. →

Николай Якимович Гнидожа на Львовщине хорошо знает как зиметелея преследателя сельского обшлыскома. Батрак в галицкой Польше, помощник машиниста, некист, партийный и советский работник — таковы веши его жизненного пути. Многим известна и одна из самых славных страниц биографии Николая Якимовича. Во время Великой Отечественной войны он был разведчиком знаменитого партизанского отряда, руководившего в тылу врага под руководством Героя Советского Союза Дмитрия Николаевича Медведева. На оккупированную фашистами территорию

Н. Я. Гнидожа был заброшен с группой парашютистов-десантников, в составе которой находился и бесстрашный разведчик Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов.

Свое издательство ЦК АКСМУ «Молодь» выпустил в свет документальную повесть Н. Я. Гнидожа «Лицом к лицу с врагом». Повесть посвящена действиям партизана в тылу врага. Мы предлагаем нашим читателям одну из глав этой повести о партизанско-разведчике, главу, в которой автор рассказывает об операции, проведенной под руководством Паула Зиберта — Николая Кузнецова.

ПОДВОД

Таким сохранился в памяти друзей бесстрашный разведчик Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов. На снимке фотограф запечатлел Николая Ивановича в Москве в августе 1942 года перед заброской во вражеский тыл.

для того, чтобы Кузнецов превратился в Паула Зиберта и появился среди немецких офицеров одного зинья зынка недостаточно. Требовалось самая тщательная подготовка.

После каждого нашего возвращения в отряд Николай Иванович немцы просматривали с ними и обо всем до мельчайших подробностей расспрашивал. Так прошел месяц, потом второй... Вряд ли в самом Ровно кто-либо из немецких офицеров настолько был в курсе всех городских дел, как Кузнецов.

А Медведева продолжала говорить: «Рано». Рано потому, что неизвестно, как воспримут Паула Зиберта немцы, не окажется ли он среди них чужаком, не вызовет ли к себе подозрения.

— Надо устроить что-то вроде выпускного экзамена, — говорил Дмитрий Николаевич.

Иными словами, Паулу Зиберту нужно было устроить свидание с немецкими офицерами. Именно Паулу Зиберту, а не Николаю Ивановичу Кузнецову. Но где раздобыть для Зиберта «экзаменаторов»?

Несколько ночей подряд устранили мы засады. Справились за кустами и ждём, пока на дороге появится случайная машина или подводка. Но ни разу «нестоящий» немец не попадался. То захватили пьяного ефрейтора, то привадем в отряд нескольких солдат. С ними Зиберту и поговорить было не о чем. Немцы до того болялись встреч с партизанами, что при первом же взрыве гранаты теряли самообладание. Однажды мы подбили грузовик, шедший из Костополя в Ровно, и взяли в плен унтер-офицера и трех солдат. Кузнецов начал с ними разговаривать, а они стоят, как манекены, и двух слов вымолвить не могут. Только бормочут: «Яволь», герр партизана и «Гитлер — капут».

— Ну и болваны! — сердился Николай Иванович. — Попробуй поговори с ними. Боюсь, мне придется тут же долго отсчитывать.

Он отправился в штаб.

Дмитрий Николаевич, — обратился он к Медведеву — с попутками, которых сюда доставляют, я никогда не договариваюсь. Разрешите мне с хлопцами поехать в Ровно, и мы подберем подходящую птичку.

— Нет, Николай Иванович, — возразил командир — этого я не разрешаю. В Ровно теперь должно быть спокойно. Это в наших интересах. Так легко будет разойтись и вам и другим разведчикам. Да и рисковать из-за пустяка не стоит. Придется малость подождать.

Через несколько дней, после очередной беседы с каким-то полупонимным фельдфебелем, Кузнецов вновь обратился к командиру:

— Я кое-что придумал, Дмитрий Николаевич. Разрешите провести заседание среди белого дня.

— Это что еще за новости! — удивился Медведев.

— Вот посмотрите. — Николай Иванович отломил от дерева ветку и начал ею рисовать на снегу замысловатую схему. — Это шоссе Ровно — Киев. По шоссе не торопятся двигаться несколько подвод с вооруженными партизанами. На первой подводке сижу я в форме немецкого офицера, а у этих наших хлопцев на руках повешено полицейье. Вперед по шоссе по двести — идет наш разведчик и внимательно всматривается в каждую встречную

машину. Всмотрев хорошего гугаса, он дает сигнал на pistola. За три, метров через сто, движется гранатометчик. Увидя сигнал, он швыряет гранату под машину. Но бросить гранату надо так ловко, чтоб машину не разорвало, а свалило взрывной волной. Тут мы соскакиваем, окруаем перемынутый мизунин и вытягиваем из него тепленьких офицеров.

— На словах, как на гусях. А как оно выйдет в действительности? Что, если такая машина будет двигаться не навстречу вам, а сзади? — спросил Медведев.

— Я это предусмотрел, — ответил Кузнецов. — Мы поставим такое же прикрытие с тыла и сможем бить по любой машине. Я даже название придумал для нашей экспедиции — «Подвижная засада».

— Подвижная засада, доверять! Вообще-то план заманчивый, но довольно сложный. Надо все как следует обзмозговать. Рисковать мы не имеем права.

Через несколько дней Кузнецова пригласил к себе Лухин.

— Очевидно, Николай Иванович, придется все-таки осуществить вашу операцию «Подвижная засада».

— Вы не шутите? — Глаза Кузнецова замирились радостью. — Нет, серьезно. Нам сообщали, что в Киев съехались на совещание высшие гитлеровские офицеры. Из Ровно тоже кое-кто поехал. И когда они будут возвращаться, ну никак не избежать. Мы сможем получить кое-какие сведения, а вы приобратите приятного собеседника.

— Зима в сорок втором году началась рано. Было тихо начало декабря, а снега уже успело навалить, как в лютую февральскую вьюгу, и износ привал до Ровно. В один из таких зимних дней на шоссе Ровно — Киев, неподалеку от Гоши, появилось пять подвод. Краснощечные полицейские, сидевшие на них, горланили пьяные песни, гулялись и дымили вонючим самосадом.

Наш первый подводке сидел с гордо поднятой головой немецкий офицер. Он ехал молча, всматриваясь в каждую встречную машину и лишь изредка небрежно приподнимая руку в ответ на приветствия немцев.

А крестьяне, едва заметив первую подводку, разбегались кто куда. Они-то прекрасно знали, что может произойти, если такая пьяная свора ворвется в село: разнесет все дотла, не прощенья подождет несколько хат и с ровом поорет прочь.

Но эта экспедиция была какой-то иной. «Наверное, уже где-то побывали и насчитали до отвала», — думали люди, когда обоз, не останавливаясь, проезжал через село. И никто не обращал внимания на то, что впереди и сзади подвод метров за сто друг от друга шло по два человека.

Двадцать вооруженных партизан, не торопясь, двигались по шоссе. Среди них были наши разведчики Молча, Игорь Струтинский, Миша Шевчук, Коля Приходько, Вала Семенов, Боря Сухоженко, Коля Бондарчук, Саша Базанов, Пята Дорощенко. Каждый был тщательно проинструктирован, что ему следует делать.

Миша Шевчук и мне выпало быть сигнальниками, так как мы уже несколько раз побывали в

Николай ГНИДОЖА

езет вам, ребята. Вот опять вы побывали в Ровно, и в я сижу и сижу, и кроме деревьев, ничего не вижу. Сколько мне попросил командира, чтоб разрешил мне пойтн на задание, бесполозно. Рано, говорит. А сколько еще можно медать?

Мы с Колей Приходько сочувствовали Николаю Ивановичу. Мы знали, что он блестяще владеет немецким языком и с успехом может отправляться в город. Но вместе с тем мы понимали и Дмитрия Николаевича Медведева. Ведь

Вновь и довольно свободно ориентировались в знаках отличия немецких офицеров.

— Смотрите, хлопцы,— предупредил нас Кузнецов,— го воробьи не бьются. Нам нужен «гусь», который возвращается из Киева с совещания.

— Если замечу майора или офицера более высокого ранга, тогда и подам сигнал,— ответил я Кузнецову.

ПРЕЖДЕ

— Да, не майор майора. Мелкота нам не нужна. Помните, хлопцы, от вас сигналы, будет зависеть успех операции.

И теперь, шагая первым в подлинной засаде, я все время помнил об этих словах Кузнецова. И пропускать машину за машиной, пропускать, так как никого подходящего не видел.

Петя Дорофеев, шедший за мной с противотанковыми гранатами, иррничал. Не раз, увидев приближающуюся машину, он кричал мне:

— Давай, Коля, по этой будем бити!

Я уже сам был готовился к действиям, но, разглядев неказистого интенданта или же пассажирка в гражданской одежде, сдерживал себя и, пропустив машину, делал знак Петру: наляз.

Так мы двигались несколько часов. Начало смеркаться, а «гусь» так и не попался. Под вечер повалил снег, за дорогой стало трудно следовать. Наверное, сегодня уже ничего не выйдет. Придется ни с чем возвращаться в отряд.

Но вдруг впереди на дороге замелькали желтые огоньки. Меня будто кто булавкой уколол: желтые фары не на всякой машине бывают. — Петя, хлопцы!— заорал я и выскочил вслед промчавшемуся автомобилю целую обойму. Мгновение... и раздался взрыв.

Машина перевернулась, и лишь колеса ее бешено вертелись. Несколько автоматских очереди, и партизаны начали вытаскивать из автомобиля бесчувственных, пахнувших дорогими французскими духами немеццев.

Не успели мы очистить эту машину, как кто-то закричал:

— Хлопцы, еще один Петя, гранату!

Случилось непредвиденное. Прямо на нас на бешеной скорости мчался еще один легковой автомобиль.

Дорофеев не растерялся. Стоило машине поравняться с нами, как он с силой швырнул под ее колеса гранату. Взрыв! Но автомобиль мчится дальше. Еще одна граната, еще один взрыв, а он не останавливается. Неужели скоростя? Упустил его никак нельзя.

Викну, кто-то из наших выбегает на середину дороги. Это Жора Стручков. Он выпукнул вслед машине целый диск из автомата. Машина проковыляла несколько десятков метров и очутилась во рву.

Пока мы к ней подбежали, немцы успели выскочить и начали отстреливаться. Но наши автомашины застали их замолчать. Мы бегом нечелю начинать автомобиль от трюфелей.

Доблче нам попался солдатик. В первой машине был взят майор гитлеровских войск граф Гаен, а во второй — имперский советник связи подполковник Райс. Остальные пленные были тоже штабными офицерами. Вместе с ними я взял посылки важные секретные документы, карты, оружие. Одна карта привлекла наше внимание тем, что на ней красной линией было соединено место Якушчина под Виейцей с Берлином.

Что означает эта линия?— спросил Николай Иванович у Райса.

Ничего не отвечал.

— Я еще раз к вам обращусь: что означает эта линия на карте!

Подполковник смерил холодным взглядом обер-лейтенанта, который в такой категорической форме требовал ответа, и сухо промолвил:

— Это военная тайна. Надеюсь, вам, как немецкому офицеру, должно быть известно, что такое военная тайна.

— Вы ошибаетесь, господин подполковник. Это было военной тайной, пока карта не попала в наши руки. А сейчас... Не скижайте же вы — это делают другие. Но я советоваа бы вам быть благодарным.

— Не забывайте, кто я такой. Я поклонялся фюреру!

ру ни при каких обстоятельствах ему не изменить. Меня удивлял, как это вы так легко продались большевикам.

— Как видите, господин подполковник, я к тому же пытался и вас направить на истинный путь. Уверю вас: все, что нам, офицерам, раньше говорили про большевиков, ложь. Русские сильные, и правда не их стороне. Если бы немцы это осознали, не было бы войны. Но давайте лучше вернуться к карте. Что означает эта линия? Все равно это уже не тайна. И не в ваших интересах держать язык за зубами.

Ничего, Райс дался!

— Это подпольный кабаль, соединяющий Берлин со ставкой фюрера на Восточном фронте.

— А когда он был проложен?

— Летом этого года.

— Как?

— Советскими военнопленными.

— А как же вы могли доверить военную тайну советским пленным?

— Все было заранее предусмотрено.

— Что вы имеете в виду?

Портрет-рисунок, сделанный партизаном Владимиром Ивановичем Ступиным летом 1943 года в лесу под Цыманю. Кузнецов изображен на этом рисунке в форме гитлеровского обер-лейтенанта.

— Их...

Подполковник тяжело вздохнул и замолел.

— Ну, договаривайте, что — и?

— Их... извращали...

— Много их было?

— Точно не знаю, но тысяч десять или двенадцать...

Двенадцать тысяч! Когда гитлеровец назвал эту цифру, у каждого из нас, казалось, кровь закипела в жилах. Уничтожить двенадцать тысяч военнопленных лишь для того, чтобы сохранить в тайне прокладку телефонного кабеля!

...граф Гаен оказался более упрямым, чем подполковник Райс. На все вопросы Кузнецова он отвечал молчаливо и лишь изредка вслухмерно цедил:

— Удивлен, что среди офицеров немецкой армии находятся такие, как вы, господин обер-лейтенант.

— Потом он начал читать Кузнецову мораль: — Стыдитесь, обер-лейтенант! Перед богом и фюрером стыдитесь! Где была ваша совесть, ваша честь, когда вы предавали фатерланд! И, علاوه, кому дались! Бендитам из леса. Это просто наворочено. Это парадокс: немецкий офицер — большевикский партизан!

— Гитлер проиграл войну,— говорил Кузнецов,— его карта бита, и разумные немецкие офицеры в этот уж убедились. Поимите это, граф. Коммуна эта война! Мыслим быть, вам доставляет удовольствие мерзнуть тут, на захваченной земле, где каждый смотрит на вас, как на хищного зверя! Не лучше ли отдохнуть в мягком кресле у камина и не думать о том, что завтра или же через несколько минут вы будете висеть на эшакаевской пушке?

— Не агитируйте меня, от своих убеждений я не откажусь. Ваши слова о том, что разумные немцы сдают оружие,— это большевистская агитация. Я на нее не поддаюсь.

— Если вы не верите мне,— ответил Кузнецов,— я могу доставить вам удовольствие поговорить с имперским советником связи подполковником Райсом.

— О мой готт!— воскликнул Граф, увидев Райса. — И вы, подполковник, так быстро сдались! Что происходит с немецкой армией? Что творится! Неужели все действительно проиграно?

— Господин майор, разве вы не видите, что происходит? Нам обещали, что война окончится через две недели. Потом — через три месяца, еще после — через год. А мы уже воюем полтора года, и конца этой проклятой войне не видно. Наверное, наилучший выход нашел обер-лейтенант. Один из моих старых приятелей не раз повторял, что самым разумным люди в немецкой армии — это средний офицерский состав. Они считаются начальниками, умеют хорошо понять, не склоняются импий и не собирают ценностей. К тому же они не думают о своей карьере. Говорю вам откровенно: я без колебаний готов обменяться судьбой с обер-лейтенантом.

— Но, господин подполковник, где наша честь, где наша слава, где наша гордость? Где все то, чему нас так много и долго учили? О мой готт! Граф зарядил и попросил оставить его в одиночестве. Лишь на второй день он заявил, что желает видеть обер-лейтенанта.

— С кем имеем честь разговаривать?— спросил граф.

— С представителем советской разведки, возглавляемой полковником Медведевым,— ответил Кузнецов.

— Вы лжете. Вы немецкий офицер, но продались большевикам. Вы стыдитесь своего предательства.

— Обижаетесь, граф. Я русский, и, когда Гитлер напал на нас, я пошел воевать. Немецкий язык, ваш родной язык, граф, помогает мне в этой борьбе. Я сказал вам все, и ваше дело верить или нет.

— Невероятно! Русский не может так владеть немецким языком. Тут что-то не так... А прочем, какое это теперь имеет значение? Извольте задавать вопросы. Я готов отвечать.

Кузнецов долго допрашивал гитлеровцев. Они действительно возмущались с секретного совещания, состоявшегося в Киеве, и их показания были очень ценными. Командование разведки незамедлительно передало очерченное донесение в Москву.

А Николай Иванович ходил иммантинком.

— Теперь, хлопцы, порадем вместе в Ровно,— радовался он,— обер-лейтенант Вильгельм Зиберт получил путевку в жизнь.

Сквозь стальные стены главного диспетчерского командного пункта московской зоны ГВФ, вознесенного на десятиэтажную высоту, в явную аэропорт, квадраты которого заполнены самолетами; прямые, словно стрелы, уходящие к самому горизонту, взлетно-посадочные полосы; вокзал и пассажирский, микроавтобусные поезда и гигантские бензоаппаратчики, красно-желтый «газлик» — руководитель полетов и лестницу-трап, подруливающую к «ТУ-114».

И бы еще смотрел и смотрел, но меня отвлекает голос в репродукторе:

— Разрешите запуск!
— Загружайте. Топливо. Центровка.

Потом раздастся:
— Добро.
Или совсем официально:
— Запуск разрешено.

Самолет «передет» и диспетчеру взлета, а здесь займутся другим.

— 4217, ваша стоюнка сорок втора. Загрузите на сорок вторую.

— Придержите вертолет. Пусть повисит на месте. У меня садится талинский «борт».

— Парронная служба. Вы меня слышали? Трап на сорок вторую.

И спускаюсь двумя этажами ниже. В огромном зале по иррану локатора ползуют белые черточки — самолеты. Они ползут или к центру экрана, или, наоборот, к его краям — ближе к аэропорту или дальше от него. А на других экранах черточки либо движутся вверх, либо по плавным глассидам устремляются к самой нижней точке — посадочной полосе.

— 11816. Делайте третий разворот.

— Вас понял.

— Высота двести пятьдесят. Доверните влево. Дерните глассиду. Синжайтесь резче... Отлично. Посадку разрешено.

И уже натисну по бетонной полосе томпоступный гигант «АН-10».

Помните «Цирюк»? Был в этом фильме такой эпизод. Маленького негртенка, спасая от бед, люди передают на руки в руки. Я думаю сейчас о своих друзьях-лётчиках, об их находчивости, смеливости, отваге, об их самолетах-богатырях, но видятся они мне маленькими детьми в надежных руках ученых и добрых людей. Эти люди — диспетчеры и штурманы, государственные дежурщи, радиооператоры, синоптики, локаторщики и сотни, нет, тысячи людей, которые слушат на земле и работают в авиации.

Поэт написал бы о них оду. Они заслужили этого.

Александр Григорьевич Федотов —

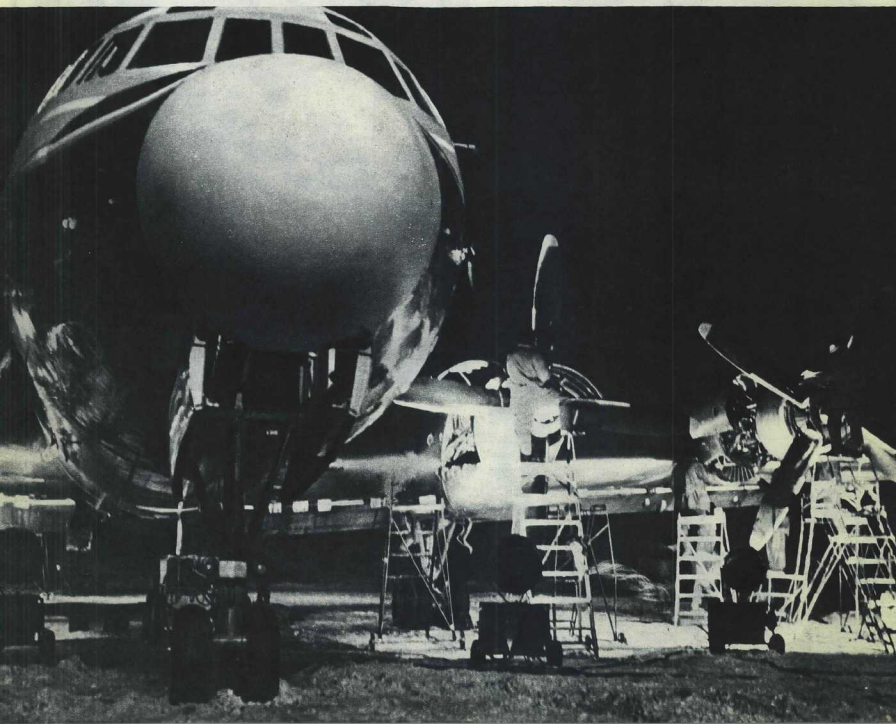
БЕЗОПАСНОЕ НЕБО

*«Борт» 11211 ведет Владимир Першин:
— Провела дальний привод. Разрешите
посадку.*

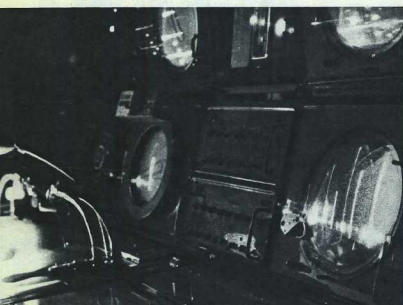
*Диспетчер «десятого этажа» Александр
Сергеевич Гриб.
Сейчас он командует:
— 11211, посадку разрешаю.*

*Через час самолет уйдет в рейс. Десятки
людей готовят его к вылету. Это они,
работающие в авиации на земле, гарантируют
безопасность неба.*

Красное слово — ЛЭРМ. А за ним прогностическая расшифровка — минимальная эксплуатационно-ремонтные мастерские. В ЛЭРМе можно сделать все: и сменить двигатель, и проконтролировать приборы, и отрегулировать сложнейшие механизмы самолетов.

На экранах и курсах самолетов, идущих на посадку, и кривые, по которым снижаются машины. Отсюда диспетчеры главного командно-диспетчерского пункта приходят к «слепому» самолету.

Как-то так чувствует себя радиозонд, запущенный для прогнозирования погоды? Минутку терпения. Сейчас Зина Шаламова ответит на этот вопрос.

Телегайная аппаратура. Связь со всеми аэропортами страны.

старший диспетчер главного командного пункта — показывает мне точку на экране.

— Рейс из Норильска.

А потом в микрофон:

— Забыто шлопн четыре тысячи восемьсот (шестидесяти в переводе с авиационного языка на земной — высота полета). На трех тысячах «ИЛ-16».

— Вас понял.

Я слышу около Федотова. Принесли «вылетную» — из Тбилиси ушел самолет на Москву. Федотов заводит самолеты в зону, выводит их далеко-далеко от столицы, принимает иностранные «борты», чертит графики и ведет какие-то хитроумные расчеты.

Мне пока разрешено «поиграть» на новом хитроумном расчётнике. Чудомашинка ее сделала здесь же, во Внукове, на тот случай, если «закрыется» аэропорт и самолеты, идущие на Москву, надо передергивать в другие порты. Нанюнына кнопку, я «стараюсь» машинке, где якобы находится мой самолет, а она мгновенно определяет его запас топлива, время полета в «открытые» порты и находит именно тот, который ближе всего. Она может решить

тридцать четыре тысячи задач, и потому я задаю ей все новые и новые.

Самолет из Норильска уже вошел в московскую зону ГВФ.

Я вспомнил город за шестьдесят девять параллелей, и полярную ночь, и смелый аэропорт...

Сто пассажиров спустили в Норильск. Борпроводница наконец сказала:

— Вот и прилетели. Через пять минут посадка.

А потом совершенно доверительно и абсолютно неофициально:

— Вовремя прорвались. Через посадка погоды не будет.

Была ночь, огромный зимающая ночь Заполярья. С шестисотметровой высоты открывался вид на залитый огнями, будто хрустальный город. Где-то рядом был аэропорт.

Самолет сделал последний разворот.

— Прощу посадку. Прощу свет на полосу.

С Ларисой Ермаковой и Галиной Горюновой мы ртветились только в полете: бортировщицы сделают все, чтобы воздушное путешествие было приятным. А пока они отдыхают в профилактории аэродрома.

ду меховую куртку, уже шел к диспетчеру. Он торопился, чтобы сказать всем, кто собрался в маленькой, провальной, совсем не такой, как в Москве, комнате КПД, много хороших слов. Но, войдя, он сел на табуретку и поплоская фуражку на колени.

— Долго меня по кругу болтали, черт побой! — сказал он.
— А всем показалось, что он сказал:
— Спасибо, ребята.

* * *

Я смотрю на зеленеющее поле аэродрома и, наверное, оттого, что тучи уже висят низко-низко, а бедотов говорят, что через полчаса «зарюка» порт, вспоминаю недавнюю зиму. И механиков, которые на лютую морозе готовили машины и поезда. И шиферов роторных снегоочистителей. И девушек из перронной слободы.

Я смотрю на ухабыши и горюхату бетонные полосы. Три километра длины, семьдесят метров ширины каждая. Сорон восемь тысяч квадратных метров. Их чистили сиренерами, и механическими щетками, и еще жаром воздушного потока от реактивного двигателя, установленного на специальной тележке.

Полетев поля идут летчики. Светло-синие плащи. Светло-синие фуражки. Сейчас на перроне все смотрят им вслед. И я смотрю и думаю: «Счастливого вам полета, друзья!» И еще я думаю о тех, кто сидит рядом со мной на радиоприемной, синтетической карт, перед экраном донаторов, кто труится сейчас на аэродроме, волея не в светло-синей форме, а в простом, пропавшем бензином и маслом спецодежде. О тех, кто ели и летал, то разве в качестве пассажиров. И мне хочется поклониться всем, кто своим трудом гарантирует безопасность неба.

— Посадку разрешаю. Даю освещение.

Но огня не было.

— Пронсу свет на полосу, — еще раз повторил пилот.

— Заходите на второй круг, — ответил диспетчер.

Огней, так нужных в этом мраке, еще еще не было. Самолет тильер ускорил куда-то вверх. Скорость заветный светом горю. Бортировщица сказала:

— Сейчас пойдет на посадку.

Огней по-прежнему не было. Видно, что-то случилось с ижебом. А ижебит, полетел наслепым. А ижебит, просто замерзла масляе термометр показывала минус пятнадцать пять.

Надо было немедленно отсрывать самолет либо на Диксон, либо в Красноярск, либо обратно в Сыктывкар. Но ни Диксон, ни Красноярск, ни Сыктывкар уже не могли принять его. «Погоды» там не было. Через час еще не будет и здесь, подумала диспетчер.

— Собирайте автомашины в город, — выключил инструктор, сизаа он. И все, кто в то время был на смене, все, кто, будучи на земле, работая в авиации, юкнулись на дороги. Останав-

ливали бульдозеры и такси, тракторы и рудовозы. «Волги» и «АЗЛы». Десятки машин выстраивались с двадцатиметровыми интервалами вдоль посадочной полосы. Левые фары закрывали шапками. Машины собралось сто восемь. Сто восемь глаз готовы были вспыхнуть по первому сигналу.

— 1166. Посадку разрешаю. Выполните посадочный разворот.

— Дайте свет на полосу.

Тучи уже совсем опустились на тундру. Разными краями они почти накрылись землей. Сивеза стала набным ничего не было видно. Слово стемла были лютыми, как дверь в кабинете лубного врача.

— 1166. До полосы пять километров. Глиссде верная. Курс правильный.

Корошо, — сказал летчик.

Он унадел белую снежную полосу, по краям которой ярко горели огни. Пятьдесят четыре — справа, пятьдесят четыре — слева.

Товарищи пассажиры, вы прибыли в город Норильск, — сказала бортировщица.

А командир корабля, надевая на хо-

— Ну, поехали! — И тяган потащил гигантский «У» на старт.

Тбилиси, Харьков, Ташкент, Хабаровск. Вылет точно по расписанию.

опав в Москву, Ваня Шухов орбел. Дачею ой подошел было к дяде, который болсно ум лавно был одет — плаваю до колан, воротник из непонятного черного меха блестял, словно нахажанный, на голоса такая же лапаша, только мудро сложенная, в руке котель с дымовикой кустовой ручной в виде голй басы,— подошая и спросил:

РАССКАЗ

— Дяденька, ЧИ у вас тут где?

Дядя шаркался от Ваньки, злобно зашипел, точно человеку на мользу наступили.

Потом уж канюти красноречиве шлеп Ванюе иди по Мясницкой, а там спрыснул Лубянку. Мясницкая, ушача хоти и ушача, кричала, поразная Ванюе нащобини на концах в чешуйки, мала, выхлещена бубличником, да так ровно, акуратно. Это надо же,— думал Ваня,— столыны в зелью выхлещит! Трамвай и автомобиль его уме не удивляли; на ванзальной площадке натрещелся. И нажамым позадодид: легитивистический его удилине — вывесишь, «ВМ», свм... ИМ... хм... — читал. Непонятно. Третье непонятно. Ага, а вот это понатно: «Музыкае сорочине. Профессор».

Вдруг Ваня чуть не присял — над ушачей враз загориса фонари, стало светло, как день. Вот это ва... На ушаче свет зажег Ванюе, а он лежал в отцовской, прошедшей две войны шинели, в отцовских же обмотках и разбитых австрийских котельках, с котелькой за пазухой — столы и любивался, пока не замерз. Понушательное холодо, он всхлипнул с наемкой в горнык — столы и любил — ехал в Москву, и, рассердившись, решительно зашлагал, уме не глядя по сторонам.

Демурному на Лубянку он сразу объявил, что ему надо. Самого Демуринского надо было ему видеть, никого другого.

И столыно ни бисил красноглазый демурный, пытался втоловать, что товарищ Демуринский имень знает, что товарищ Шуховский, имень сказать и здесь, прихлещел столы на своем. И было точно такое располгающее в его долговязой фигуре, в настоянности, взгляде, мальчишеском голесе, что демурный невольно посочувствовал пареньку и потянулся к телефону.

— Гаврилов, зайдй ко мне.

У Гаврилова завадилась талие же красивые глаза. О чем-то он, отойдя в сторону, тиконно пошептал с демурным, товарищ дядю мотал башкой, потом вздохнул и развел кистушу.

Поднимаясь с Ванькой по лестнице, Гаврилова соображало говоре:

— Он дав иочн, понимаешь, не спал, только обедать собирался ехать, а тут... — Гаврилов махнул рукой.

«О ком это он?» — мынолетно подумал Ваня, злеть собственные мыслени и еще не веря, что добился своего.

Ванюе бе ступа вошла в высокую дверь, плотно притворив ее за собой, через минуту появилась и, оборачодя улыбушником, пригласила:

— Провои.

Демуринский сидел за столом, устало подперев вассоней левой ладонью. Внимательное дотрочило он посмотеря на вошедшего, и Иван невольно отстеля; и у этого глаза красивые. Демуринский улыбушкой в Ванюе шагнул вперед и вынул из кармана:

— Шухов, Иван. — Феликс — серьезно ответил Демуринский. — Садись, товарищ Шухов. Расскажывай, что случилось.

Ваня покосился и затерпосил. Он растегнул шинель, гимнастерку, вытасил из-за пазухи зелью, развал, помажак, помажак зубным, достал помуту ичичнику и беренно положил на стол. Это был парблонец с равной дырой посередине. Демуринский осторожно разобрал помуробленные, в запящешей крони истончил. Ни фанкиши, ни имень нельзя было разобрать, один лишь номер. Он взглянул на Ивана и на лице его прочно ответ на вопрос, которого собрался задать.

— Отец?

Парень иеньку.

— Да батя же. Ваню, чуйка, что убьют. Все наназывается случится, что и Москва, что и Ленинград, что и Иван заважен. Демуринский встал, погосло к Шухову, положила руки на плечи и, глядя в глаза, сказал:

— Правильно сделал. И запомни: смерти комуника ты ни никогда никому не простишь. А тему ты развешивай, садись, рассказывай.

Сам помур Ивану стащить котонку, сиять широк, усидат на холодный кожаный диване. Ванюе начал рассказывать сначала сбивчиво, тогда потон словосплочнее, как бывало, говорил с отцом.

В январе восемнадцатого года отец вернулся с землю в родном селе, весте с Россиа друи с друинию сям про себя говоре: тронь — обонхисья, объявлять болшевик. А там и востановил от Россиа друи, слямком не слышали. Одно хоншо поняли: болшевикни за бедных. Собрали сход, постановили: землю передодить, старосту — в три шкура, избрари комбед. Отец чуйка, вы теплер, говорит, Советская Россия — сам всперости ухал: ириковому надо делат.

Ил Манска — ближайшого и село городно — дохили триеманнои весте с Россиа друи с друинию слям про себя говоре: тронь — обонхисья, объявлять болшевик. А там и востановил от Россиа друи, слямком не слышали. Одно хоншо поняли: болшевикни за бедных. Собрали сход, постановили: землю передодить, старосту — в три шкура, избрари комбед. Отец чуйка, вы теплер, говорит, Советская Россия — сам всперости ухал: ириковому надо делат.

Ил Манска — ближайшого и село городно — дохили триеманнои весте с Россиа друи с друинию слям про себя говоре: тронь — обонхисья, объявлять болшевик. А там и востановил от Россиа друи, слямком не слышали. Одно хоншо поняли: болшевикни за бедных. Собрали сход, постановили: землю передодить, старосту — в три шкура, избрари комбед. Отец чуйка, вы теплер, говорит, Советская Россия — сам всперости ухал: ириковому надо делат.

Ил Манска — ближайшого и село городно — дохили триеманнои весте с Россиа друи с друинию слям про себя говоре: тронь — обонхисья, объявлять болшевик. А там и востановил от Россиа друи, слямком не слышали. Одно хоншо поняли: болшевикни за бедных. Собрали сход, постановили: землю передодить, старосту — в три шкура, избрари комбед. Отец чуйка, вы теплер, говорит, Советская Россия — сам всперости ухал: ириковому надо делат.

Ил Манска — ближайшого и село городно — дохили триеманнои весте с Россиа друи с друинию слям про себя говоре: тронь — обонхисья, объявлять болшевик. А там и востановил от Россиа друи, слямком не слышали. Одно хоншо поняли: болшевикни за бедных. Собрали сход, постановили: землю передодить, старосту — в три шкура, избрари комбед. Отец чуйка, вы теплер, говорит, Советская Россия — сам всперости ухал: ириковому надо делат.

Ил Манска — ближайшого и село городно — дохили триеманнои весте с Россиа друи с друинию слям про себя говоре: тронь — обонхисья, объявлять болшевик. А там и востановил от Россиа друи, слямком не слышали. Одно хоншо поняли: болшевикни за бедных. Собрали сход, постановили: землю передодить, старосту — в три шкура, избрари комбед. Отец чуйка, вы теплер, говорит, Советская Россия — сам всперости ухал: ириковому надо делат.

Ил Манска — ближайшого и село городно — дохили триеманнои весте с Россиа друи с друинию слям про себя говоре: тронь — обонхисья, объявлять болшевик. А там и востановил от Россиа друи, слямком не слышали. Одно хоншо поняли: болшевикни за бедных. Собрали сход, постановили: землю передодить, старосту — в три шкура, избрари комбед. Отец чуйка, вы теплер, говорит, Советская Россия — сам всперости ухал: ириковому надо делат.

Ил Манска — ближайшого и село городно — дохили триеманнои весте с Россиа друи с друинию слям про себя говоре: тронь — обонхисья, объявлять болшевик. А там и востановил от Россиа друи, слямком не слышали. Одно хоншо поняли: болшевикни за бедных. Собрали сход, постановили: землю передодить, старосту — в три шкура, избрари комбед. Отец чуйка, вы теплер, говорит, Советская Россия — сам всперости ухал: ириковому надо делат.

Ил Манска — ближайшого и село городно — дохили триеманнои весте с Россиа друи с друинию слям про себя говоре: тронь — обонхисья, объявлять болшевик. А там и востановил от Россиа друи, слямком не слышали. Одно хоншо поняли: болшевикни за бедных. Собрали сход, постановили: землю передодить, старосту — в три шкура, избрари комбед. Отец чуйка, вы теплер, говорит, Советская Россия — сам всперости ухал: ириковому надо делат.

объединиться в коммуны. Из Манска приехал землемер, и коммуны отрезали лишнюю землю. Государство дало семена. Лошадей, инвентарь реквизировали у кулаков. Мыслас комунику трудно, держалас оца, помажук, только горчинки речани Шухова. Урожай собрали небогатый; страшная в тот год стояла засуха. Отец обучил Ванюе обращаться с наганом, и каждую ночь, пока не обволотисились, они весте охраняли общественный забор.

Кутася в полушубок — тот самий, в который Ванюе завернул когда-то тело убитой матери,— отец садился рядом с сыном и, пологая ему руку на плечо, умл его, как он сам называл это, классовои борбе. Объяснял, что есть пролетарий и что такое класс, рассказывал, какая такая бывает контрля и что зелье нет врага, чем буржуа, который в мировом масштабе называется «империализм»; много раз спотыкался, произнося трудное слово «эксплуататор»; в общем, выкладывал всю превростность, которой набрался на авантюрах по полнотранию, и в которую не только свято верил, но вострипнивал всем своим существом. Особенно любил он рассказывать о Ваньке, которого видел и слышал на Красной площади.

А вьд я здесь действуе враде как бы Ленин. — Без течи хвастьство говореи он. — Только Ильич всю Россию тинет в коммуны, а я — наши Пеняки. В Пеняках сейчас, как и во всей России: одна в коммуны с гололой лезут, другие голоты ей перервать готовы, а третьи сидят, дождываются, чья возьмет.

Все эти речи Ванюе слушал с мадным вниманием, но иногда подумывал: уж не замирает ли брат? Это случалось, когда отец пушался в рассуждениа насчет будуще Ванькиной судьбы. По его словам, выходило, что теперь Ванюе может стать, нем захочет,— хоть доктором, хоть учителем, хоть артистом, хоть профессором (это роворе савикн учителей учил) или даже землемером. Оби раз отец, по комсто страши, из нагана, в конце проукта митнулась тень, перемаживала через поносимыиш забор, и на ижековне Ванюе позвазлас, что голова челолика закутана в башлык.

Утром отец уехал в Манска, вернулся мрачный и — встревоженный. Вот тогда-то он и сказал Ванюе:

— А если со мной что случится, добирайся в Москву, прямо к Демуринскому. Рассказывай: в Манске, в ЧИ контра. Это я точно знаю: встретится и там нос. К носу с бывшими ротыми командиром штабс-капитаном Штерном. Запомнил? В революцию он, гад, нам свозил землю провалител: чуйка, его благодарные, что его ждет. Корня я в укоме говореи, не может тогда быть, нам его сама Моска прислала...

Отца убийл через неделю. Сидел он вечером за столом и, мусоля нарананы, пробовал сочинять писмо в Москву. Ванюе уже спал. Выстрела он не слышал, всключи оттого, что со звоном разлетелась стрельба. Отец лаявал головой на столе, товарищ сморщенный сидел. Пуля вошла в сердце, прошив

партизнет, который отец всегда носил в кармане гимнастерки, зашпигован булавкой.

Ванька выговорился, сидел молча, опустив голову. Дзержинский быстро писал что-то за столом, потом вынул секретаря.

Эту телеграмму отправьте немедленно. Столовая еще не закрыта? Ухитите, нельзя ли нам товарищам пообедать?

Гаврилов вернулся минут через десять, осторожно нес две полные тарелки супа. Привычно хохляничка у лулу, где стоял маленький столик, аккуратно, томными пощипками нарезая четвертушку хлеба и, сокрушающе вздохнув, вышел.

Гость и хозяин принахали есть одновременно, но завернул по одной ложке, враз поднял голову и посмотрел друг на друга.

— Набь... — проткнул Дзержинский. — Как это говорится: неболот на столе, перелот на спине... Он пощипал глазами. — А солить-то и нет.

Ванька встал, степенно развязав потную, достал соль в белой тарелочке, а вслед за ней, ни на мгновение не задумываясь, выложил на стол все свои припасы: несколько черных сухарей, полосу отлежавшего перламутров сала, три луковички.

Дзержинский, поймав на ладони луковичку, с хрустом разразил ее пополам.

Ели молча. Дзержинский вскорости отодвинул тарелку, а Ванька, не торгуясь, сперва выложил всю ладуну, потом пошевелил на виду куски говядины и, сняв ее пальцами, с видимым удовольствием съел, осторожно маякая в соль.

Прощаясь, Дзержинский положил руку на Ванькино плечо и сказал:

— Все будет хорошо, Ваня. Молодец, что пришел. С делом твоего отца разберется. А насчет тебя я сегодня с одним товарищем поговорю... Он обещание и читку лукаво улыбнулся.

В тот же вечер, а точнее, уже ночью, Дзержинский делал омерзительный доклад Ленину, Владимир Ильич сидел в кресле со спинкой из латунной соломки, принимая ладонью отмытые глаза. Крутой купол зала мягко освещался нежно-зеленым светом стального абакюра, а лампы в лучах лампочек просвечивались насквозь, полная логотка.

Заключив доклад, Дзержинский на минуту замешкался: рассказать Ленину о сегодняшнем происшествии или умолчать? Но Владимир Ильич легко угадывавший каждое движение души людей, с которыми работал и которых любил, заговорил сам:

— Что же вы молчите, Феликс Замятинич? Выкладываете, что у вас. Ну-с! Я жду. Скрипайте! Это от председателя-то Саварькова?

От вас скроется, Владимир Ильич, — усмехнулся Дзержинский.

На кармена портфеля он вынул и положил перед Ильичем партизнет отца Ваньки Шухова. Ленин осторожно, как сам Дзержинский, взял пробную пылинку.

Подумать только! — возмущенно сказал он. — Молодец не мет, остался один партизнет. Как мало и как много! — Он вскинул на Дзержинского вопрошающий взгляд.

Феликс Замятинич начал рассказывать, а Ленин поднялся и, заложив руки в карманы Брюк, принялся раскладывать по набойку.

— Так и сказал? И здесь, вроде Ленина, ткнул Пеньки в лобину? И ведь как метко подметил дифференциацию: один в лобину с головой лезет, другого глотку перерезать готовы, а третий иду, что из этого выйдет?

Много у нас еще таких Пеньков.

— Много, да. Но коммунистов, таких вот, как Шухова, неизмеримо больше. Неправильно... Владимир Ильич вновь сел за стол. — А как вы решили с этим парнем?

— Учиться ему надо.

— Да. Обязательно учиться.

Так решил было судить Ванька Шухова, который в это время крепко спал, упрямился с головой солдатским одеялом, в обертки чинистов... С рабфактом Ванька освоился удивительно быстро, так же быстро привык и к шумной, суматошной обстановке. Сначала он привык к работе со своими длинными ногами от Басманной, где помещались общепит, до рабфакта, потом стал привыкать к работе в конторе, а контора находилась вблизи конной полиции.

С этого крестьянского хозяйственности умел он и конюшью, а конюшья была в конном полку. По нечетным дням брал в столоне лошадей сунт по петельным восторам.

С момента устроенной хозяйственности умел он и конюшью, а конюшья была в конном полку. По нечетным дням брал в столоне лошадей сунт по петельным восторам, а Шухова моментально набрался конюшью.

Умачно смеялся Ванька, когда первый раз увидел, как ребята — полуголые, в одних подштанниках — занимаются физкультурой.

— Чудак! — втолковывали ребята — Отсталый элемент, Мускулатура надо развивать, Физкультура! Во! Ойцелес! Во!

Ванька живо схватил толк, который с физкультурой, и два счета уложил его на лопатки. Впрочем, физкультурой начал заниматься и он и первым научился выжимать стоекую и даже ходить на руках.

Во времена Ванькина роста обшлепалась чисто городскими словечками, среди которых главными были «буза» и «лафа». В эти два слова вменялось удивительно много самых разнообразных понятий. Все, что не заслуживало внимания, все, так сказать, второстепенное, было «бузой», а что в первую очередь попадало таким мелочам низина, как подбитая вторая шиньель, отворачивался пометка, а такие иные другие, что, на взгляд рабфактовца, имели неимевшее значения ерунда. Налепал было ребят на все неудобства, когда свистнул, а Ванька лишь великая щель — агу.

Мярко раскрасная «буржуазия» в зимнюю стужу, кофаса и горчиче сайлик, супуванье и получение стигендик, контрпарники в Политехнической конюшней на Манасского — все это было «бузой» и опередия товарищеская, начавшаяся раньше него. Преподателям только удивленно переглаживались, когда этот дилетантский язык и на вид недалеким деревенским парнем уверенно гонимый на экзаменах. А Ванька все делалось легче легкого. Много истории, а по-новому обществу, упремо требовавший от рабфактовцев знания точным дат, недоволю ворчал: «Работать надо. Ванька искренне удивлялся: разве это работа — никаких чотать».

Преподателя русского языка и литературы по-настоящему приходи в умах от ровной речи своих учеников и настоящего речемодельщика ухмылялся язык у Тургнева. Работа погребовалась и решались буза. Ванька с крайней недоброчностью возмущался: «ничку с самим что ни на есть контрреволюционным названием «Дзержинское гнездо» и очутился только втор, беряно переворну последнюю страницу. С этой минуты для него открылся новый, неизведанный, удивительный мир книг».

Однажды райком комсомола выгледил для рабфакта. Боро решил билет отдать лучшему коммунисту, на котором должно был выступать Ленин. Ребята орали страданием почти хотелось всем. Комсомольское Боро решил билет отдать лучшему коммунисту. Его получил Иван Шухов.

Весь рабфакт стал готовиться товарищески и болюмо событию. Единственно признаны: в той обстановке, которую носил Ванька, идти на Конгресс раньше было невозможно. Сравнительно целые самоты и пидаки подобрали довольно быстро. Десятка поздравлений от нескольких рубих — на выбор, но Ванька дело обстоило плохо. На все общепитные означало всего пять руб. Больше ни вменяло принимавшимся, и тогда ребята впервые заметили, как бедно они живут, но, конечно, солили, что это всего буза и так и так.

Укорачивать рабфакцию Шухова мялко, все, у кого не было денег, делались самоты и пидаки. Сообщить старосте? Занчивалось объявление короткого сообщения, читали для протестария новового. Тогда тот-то вспомнил, что преподаватель литературы Алексей Егорович Вушин почти такой же коммунист, как Ванька, и что он имеет делегацию, но у самых друзей слегла орбелла: что же им делать? Ванька решил пойти на партию штатманью? Неудобо. И все же ивменно так и сказали, Алексей Егорович страшно удивился, а узнав, в чем дело, решил билет отдать лучшему коммунисту.

После короткой, но бурной дискуссии — надевать ли Брюки в самоты или навалушки решеше было за Ваньку. Ванька решил пойти на партию штатманью и в одно прекрасное, хотя и упремо испорченное утро, вместе с делегацией в полном составе проводил его до Спасских ворот Кремля.

Еще не добравшись до Андреевского зала, где скоро должно было начаться заседание, Ванька почувствовала себя обидно одиноко. Другого коммуниста

Протока

Очень мне нравится эта протока,
Эта артерия двух озер,
Озеро с запада и с востока
Соединявая с далями пер.
В ней — о невинном разлеченье! —
Дети барахтаются на мелк.
В ней, словно молнии, на теченье
Блещут матерья голыши.
Этой широкой протокой гуси
Мчатся, распарывая снегу,
От берегов Литвы и Беларуси,
Из белорусской земли — в Литву...
Очень мне нравится эта протока,
Очень мне по сердцу этот поток:

Лодки на запад плывут с востока,
С запада люди плывут на восток.
Едут в них лодки на новелье,
Едут на отдых и по далям.
Значо: и горести и веселье
Делает по-братски здесь — поплалом...
В лодку садиться, а весла бросить.
И не побреются трудя:
Все из Литвы и белорусуса в гости
Срочно доставят сама вода.
Вот наполвает ужо с востока
Озеро, негу ему конца...
Очень мне по сердцу эта протока
Соединяющая сердца!

Николай СТАРШИНОВ

Литве

Я здесь не гость и не впервые
С твоими встретился людьми...
Литва, сестра моей России,
Ты от меня привет прими.
Я поднимался раньше раною
Измерить даль твоих дорог,
И дуть по моему вальсону
Твоей прибалтийской ветром.
И прадо мною вырастали,
Рассветным солцем залиты,
То стройни из стекла и стали,
То роши древней красоте.
За хлеб и соль тебе спасибо!
Пускай тебе твои моря

Принимай зипелони рыби
И торы чудо-ягтары.
Пусть будут вси чисти, как дайны,
Тем озеро и рывак.
Пусть налитым зерном комбайны
Завалят житница твои.
Чтоб запах хлеба, запах тиние
Из всех твоих пикаром шел,
Чтоб флаг на башне Гедимина
Из года в год все жарче цвел!..
Я тут не гость, и не впервые
Другая встречают здесь меня:
Литва — сестра моей России,
Она мне кровная родня.

Щука

Как говорится, ну и будочка:
Глаза нахмылят, страшный рот...
Я приглашаю ее на удочку,
Я знал, что щука здесь живет.
А щука вылезла и забобилась,
Чтобы ныскнуться вереткой.
А щука знай себе охотилась
За светлой рыбкюно — плотвой.
Но плуде всех [а это чувствовал,
Я знал, по правде говоря]
Она любила перла шустрого,
Рубаху-парня пещарка.
И там, где омоло леска роса,
Войдя в калыш, звенит песком,
Я щучю предраюни пещарника,
Притом с инеюлем трюйничком.
Пускай распалится за грубую,
За необудданную страсть!..
Раскрыл свое тысячезубую,
Почти что кроноидную пасть.
Она вперед рванулась прюстю,
И вмиг пещарк исчез из глаз.

И зазвенела леска жалостно
И, как струя, оборвалась.
А щучка!.. Вот пойдн добуз еше
Такуно... Горе мне и срам:
Вглубе хозидо это чудяще —
За килограммом килограмм.
...Конечно же, она уплывет,
Моя досада, в ходе дней.
И щучю нечего кураюотся:
В конце концов мы кинуть с ней.
А что! Удача ей сопутствует!
Вот завтра, в самый ранний мнг,
Она проснется и почувствует
Застрыжину в брюхе мой трюйник!
И мне не жалко щучу-старичку:
Жалудок у нее таков,
Что в нем спокойно переживается
Паток подобный трюйничкам.
Не жаль мне и кроича искусного,
Не жаль, что являю кратки зря...
Мне что-то можно стало шустрого
Рубаху-парня пещарка...

Костер

Вызывает лишь изумление
Немыслый свой аппетит...
Съел он доски без промедления,
Съел березовые поленья,
Съел корягу,
Но, и сожалею,
Все нисколько еще не сът!
Что ему окажется может
Не под силу, не по зубам!..
Вот голодной собачкой гложет
Он дубовый гигант-чурбан.
Вет и съел — ничего, что черствый.
И опыт расширяет рот...
Нет, вы знаете, от обжорства
Он решительно не укаре!
Хворости!.. Это под стать котлетам —
Не жавшим, за пать глоткой!
Лишь обжаривается при этом
Целой дюжиной языком...
Но зато в этот холод адский,
От которого все светло,
Он по-братски и по-солдатски
Отдает мне свое тепло!..
Погоди, не спеша, дружище,
Как бы вскоре ты не погас:
Для тебя не осталось нищю,
Ты сожрал уже весь запас!..
Но попользуя с ним полова:
Он лишь фыркает на слова
И, нисколько не стесая,
Уплывает себе дрова.
И, голодный, он умявет...
Я гляжу на его игру,
Как он великою дожирает
Мной подброшенную кору!..

Щуренок

В тихих водах, раской испещренны,
Меи сплетенныи новых корней,
Притивясь маловольно щуренок,
Спрятанши от стаи окуни,
Начинаю сердитого сердитой
И лелеет лишь одну мечту:
«Всем вам покину я, погодите,
Только вот немного подрасту!
Несмотря на вашу всю щетину,
Будет время, загоно вас в тину
И соскам из речки прогоню!
А того усамого нальма,
Что отряп мне хвост, меня ловя,
Разыщу я и неутомляю
Проглочу, как жалкого червя!
Да и тетю-щучку отомщу-ка
За ее коварные дела!..»
Тут и появилась тетя-щука
И его мечты оборвала...

Ты кто?

Реплик тыма,
Вопросов нахваст:
— Кто ты — рыба или мясо!
— Чей ты друг и чей ты враг!
— Отвечай наль: либо — либо!..
— Я не мясо и не рыба.
— Ну а кто!
— Я просто ранк!

Ерш

В чеш и держится душа
У сопливого ерша!
Низ за что же не съедешь.
Сим и сал-то мясо с вершюк.
Погляди: один глазца
Да колочий грешокш.
А кругом — отряды вражюк...
Но колочии нальваши
И глаза всегда на страже!
В них и держится душа.

ГЛОБЪС

Выходит
один раз в месяц
№ 4 (47)

Год издания 3-й

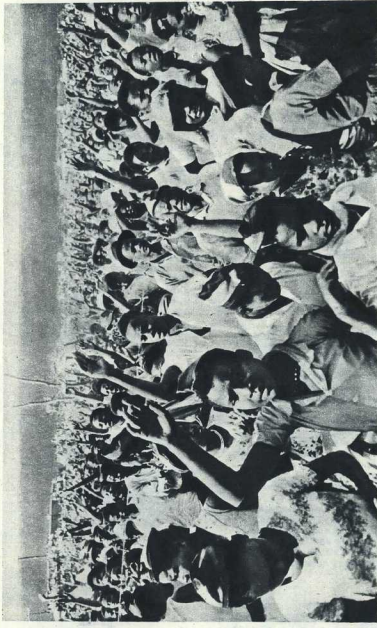
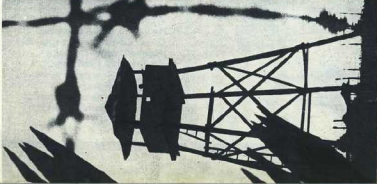
МАЙ 1964

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА «СМЕНЫ»

Вплоть до января 24 апреля 1964 года представители 30 стран севе́рили своим подвигам историческое значение. Вплоть до января 24 апреля 1964 года колониальное зло, под какой бы личиной оно ни скрывалось, шло к славы́ горной откинк в сердцах молодого поколения. Поэтому аполлоновские организации ряда стран Азии и Африки предположили отметить 24 апреля Интернациональный день солидарности народов.

Колониализм отступает, за эти двадцать лет мы уже победили малярию, кожные заболевания подчас и жестокой, кровопролитной свастике. Но освободительная борьба еще не окончена. Еще предстоит свергнуть тысячи жванов опортунных алеринского империализма в Юнона Вьетнаме, еще пораидь над многими столицами Латинской Америки, еще предстоит освободить от колониальной зависимости миллионных народов Азии и Африки.

На с н и м к а х с л о в а р а : 1. Американский пост в Юнона Вьетнаме. 2. Народ Тунгшань празднует свое независимость. 3. Репу́ва американских автомобилей над Керансом (Бразилия).

Во время разгнано́го митинга в Бразилии было разгромлено и сожжено здание Национального съезда тов. Чем же разъяри́ла бразильских реакционеров и их зловещих хозяев эта организация? Мы попросили рассказать о деятельности НСС Бразилии журналиста А. Бранчиана, побывавшего в прошлом году в Рио-де-Жанейро.

Один своего сестры журналист оспалатся описать кетрапу он пришел, состоит в том, что простой плакат Давидея иностранному капиталу. Было «Лид» компания, да застрелены на американской реву, которую кончат сурредагатами американской марии «Инистер» или «Галлуваду», которую он принадлежал к последнему соуду и еще в миль, шей стены, оспариваю абуру, в престо-напросто чисит Убуи, пользуюсь шестой американской ковей пастой, изготовленной на фабрике «Вайтоли» севредагата об Нью-Йорке. Отправляется на работу,

РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО, УЛИЦА ФЛАМЕНГО

чения иностранному капиталу. Демократические общественных пресобозраций, которые покомичи-
Литовые участие в этой борьбе принимают мол-
ловцы бразилии и в особенности студенты, кото-
сич. Они объединены в Национальный союз сту-
в общенародной борьбе за национализацию неф-
уныно пресу. Сложность этой борьбы за свободу
мак, нефтяная компания «Петробрас», Суще-
глазу американских монополий. Игнорирование на
и подстрекательстве различных выступлений марксис-
топные бразильских рабочих и крестьян, в Белье.

будут нагнанных пособий. В ходе империализма
молд обучены грамоте около 50 тысяч человек.
на неграмотных. Однако трудно перевести эти на-
чение этой кампании. Ведь в ходе нее студенты
дом своего народа, с его проблемами, забоями,
Ч в ходе на первом этапе производится запись
для послания в европу в очередь студентов-маркис-
буршла сильный поляр. Система маркисинского
по студентам — помочь населению Гараны, по-
стало на втором этапе массово-образовательном
под театр-найт реплики. Под руководством сту-
выступать на фестивале народной культуры, ре-
телисти. Идана Дашева серия «Народные лет-
раны», эти линии простые и доходчивые языком
школаные проблемы. Вот названия некоторых
«Начей будет социалистическая Бразилия», «Ничо
Бразилии-опалит в Бразилию, что касается за реформу и
демократический империалистического образования.

СТАРОЖИЛ РЕВОЛЮЦИОННОЙ УЛИЦЫ

ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Ю. ПЕСИКОВ

Альберт Вильямс беседует с комсомольцами города Хвалынска (на Волге), где он прожил 14 месяцев (1927—1928 годы).

СНИМОК В «СМЕНЕ»

Читатели, вероятно, помнят этот снимок, опубликованный в день, когда отмечалось 75-летие со дня рождения большого друга нашей страны, замечательного писателя Альберта Риса Вильямса. На нем — Альберт Рис Вильямс в Хвалынске, среди комсомольцев города Хвалынска. Эту фотографию Вильямс прислал из Америки подруге журналу «Смена».

Меня очень взволновал этот снимок. Ведь Хвалынск находится неподалеку от Саратова, где я живу и работаю. Значит, автор снимка о Великом участнике Октябрьской революции, бывавшем в нашем крае! Хотелось узнать об этом как можно больше. Я решил начать с фотографии, подаренной «Смене».

С номером журнала я направился в Саратовский областной краеведческий музей. Директор музея Мария Ивановна на Мальцевых очень удивилась, увидев снимок:

— Вильямс жил в Хвалынске? Я этого не знала.

Она попросила научных сотрудников музея просмотреть различные хвалынские материалы. Но нигде не нашли даже упоминания об американском писателе.

Местные краеведы помогли разыскать старинные, которые принадлежали американскому писателю. Те сообщили, что Вильямс приезжал в городок в конце 1925 года. В Хвалынске он вместе со своей женой, сценаристкой Лесковой Вильямс, пробыл более года. Старожилы показали и дом на Революционной улице, где жили гости из Америки. Но они не смогли назвать ни одного из комсомольцев, изображенных на снимке.

В ответ на мой распрос о хвалынцах только руками разводили.

— Ты ребята, люди, дадим стамбу, попробуй их узнать!

Ничего обрывается.

И вдруг совсем неожиданно мне помогла сам Вильямс.

И. Малышева, огорченная тем, что в музее нет никаких материалов о жизни Вильямса в Хвалынске, написала в Америку. Она просила писателя рассказать о его пребывании в Хвалынске. Вскоре пришел ответ. Альберт Рис и его жена с радостью вспоминали дни, проведенные в Хвалынске, где у них осталось много друзей. Среди них Малышева. Кроме того, назвали только одного из тех, кто снят на фотографии, прекрасного комсомольца.

Итак, вновь появилась ниточка для поиска — Маша Сарова. Но где же искать?

И я решил опять начать с Хвалынска.

СЧАСТЛИВАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

В хвалынскую гостиницу я приехал под вечер. За ужином, просматривая подшивку местной газеты, увидел маленькую заметку. В ней рассказывалось о делах хвалынской санитарной школы-интерната. Невольно обратил внимание на фамилию директора школы Серов Максима Николаевича.

Чуть свет я уже был в школе. В кабинете директора меня встретил коренастый, широченный мужчина лет пятидесяти.

— Вы не знали Вильямса! — прямо с порога спросил я, забыв даже представиться.

— Американца? — обрадованно произнес Серов. — Как мне не знать, мы были большими друзьями! Да вы проходите, сейчас я покажу кое-что, вам это будет, наверное, интересно.

Через несколько минут он протянул мне хорошо знакомый номер «Смены».

— Это Вильямс, — сказал Михаил Николаевич. — А это я (на снимке второй слева).

И Михаил Николаевич подробно рассказал о своей дружбе с Вильямсом.

В ХВАЛЫНСКЕ

— Наш Хвалынск — небольшой городок. И мне через несколько дней после приезда к нам Вильямса о нем было много разговоров. В то время я мечтаю стать писателем и поэтому очень обрадовался приходу Вильямса. Дело в том, что я написал тогда общественную повесть из жизни комсомольцев со-

ветской школы и мне очень хотелось знать мнение о моей рукописи человека, прошедшего в тайные литературного творчества.

Но я ни разу в жизни не видел писателя, не только американского, но даже русского. Поэтому долго не решился пойти к Вильямсу. Но вот однажды, набравшись смелости, я пошел в дверь дома, где жил писатель. Меня встретил мужчина высокого роста. Его голубые глаза были полны доброты и любознательности. Он смотрел на меня изучающе и ласково. Робости моей как не бывало. Симпатичный, доступный и добродушный человек быстро расположил и к себе.

Крепко пожал руку, он указал на стул возле письменного стола, заваленного бумагой.

— Я принес вам свою повесть. Не могли бы вы прочесть ее и оценить? — выложил я, протягивая рукопись.

Вильямс взял ее, с интересом стал расспрашивать о содержании повести. Рукопись, и совершенно, только мне казалась повестью. На самом деле никакой художественной ценности она не представляла. Это я понял позднее. Но Вильямс интересовало фактическое содержание произведения, жизнь советской молодежи. Он расспрашивал обо всем: о моих родителях, учителях, товарищах-комсомольцах, особенно интересовался об бытом советской молодежи, борьбе комсомола за установление новых жизней.

Так состоялись наши знакомство, перешедшие потом в дружбу. С тех пор двери дома Вильямса всегда были гостеприимно распахнуты для меня и моих друзей.

Вильямс крепко подружился с хвалынскими ребятами, был частым гостем в комсомольских ячейках. Он охотно рассказывал нам о своих встречах с Лениным, об Октябрьской революции. Слушать эти рассказы было для нас большим счастьем.

Альберт Рис Вильямс с гордостью подымавал удостоверение за подписью М. И. Калинин, в котором всеми возможными способами подчеркивалось оказание ему вселенского содействия в работе по изучению России. И недостатка в содействиях не было.

Вильямс часто ездил по селам, беседовал с крестьянами, записывал песни, пословицы, загадки, поговорки. Хвалынские комсомольские организации решили помочь Вильямсу в этой кропотливой исследовательской работе. Мы собирали, записывали в деревнях народные песни, сказки, образы, обычаи и передавали эти записи Вильямсу.

После окончания школы в Хвалынске я учился на педагогическом факультете Саратовского университета.

В конце августа 1937 года Вильямс прощался бы снова в Хвалынске. Я работал тогда директором школы имени Максима Горького. Мы тепло встретились.

ВСТРЕЧА В МОСКВЕ

Внимательно выслушав рассказ Михаила Николаевича Сарова, я спросил:

— А не знаете ли вы еще кого-нибудь на этой фотографии?

— Страна от Вильямса мой товарищ Павлик Родионов. Теперь его уже нет в живых. А слева — Борис Каленов. Мы с ним учились в хвалынской школе, а потом в Саратовском уни-

«СЧИТАЙТЕ ГОДЫ ПО ВЕСНАМ»

«Шагать, шагать по степням
дней, работая, изучая, идти!»
Ю. АДРИАНОВ

Первая книга молодого поэта — первая заявка (так хочется сказать) на настоящее поэзию. Все три ее раздела — «Краски», «Привава» и «Юности» — вполне ясно говорят читателю о тех возможностях, какими располагает Ю. Адрианов как поэт.

Провинциальными Гомерид! Не сотрешь ли вы ступни в шлохоньих не найдешь прирех Их сохранных сиромый стихх.

Пусть незаметны эти лепты в строках не звучат никак. Но классиса бес их лепиты. Как геральды бес соадт.

Юрий Адрианов, ему лишь 24 года. Все вперед! Настоящие трудности большие и малые дорог, серьезно говорю, еще не испытаны. Короткую биобиографическую справку, предположительно сборнику поэты, хотелось бы дополнить: первое стихотворение Ю. Адрианова, «Старый окоп», было написано, когда он учился еще 10-м классу. В последующие годы, начиная с 1958 по 1961-й, им опубликовано 60 стихотворений в областных газетах и сборниках. Телевизионный «Большой вечер» в номере вальсы отменены на Всесоюзном фестивале детских передач. Он окончил художественную школу, его рисунки экспонированы на Международной выставке работ советских школьников в ГДР. Среди читателей и любителей поэзии тот, который изображает поэта, покажется ошутливо близким, понятным, дорогим, мир природы с ее берговыми рассветами, «илитыми краснотельскими», с салуновыми звонкими садами. А когда поэт говорит о нетленном духе ремесла, об когненной красавице Холломе, в «ярдастные стилы завернутой Земле», становится ясно, что это не выдуманно, не приукрашено. Там же как декларативны и утверждения поэта о том, что «мы стемнем, эпоха, врачам, молчалим лечить недуг».

Да, наманго радует в этой книге, включающей около трех десятков стихотворений, как и название ее, раскрывающее тот антологичный, брызжущий красками всех цветов радуги мир, мир планеты, как сказано в первом стихотворении сборника:

Мальчишня,
малыр знаомый,
ты,
краснон набаяно сол.
Планеты
оркутлый бон!

У Ю. Адрианова есть строки, не включенные в этот сборник, но являющиеся девизом в его работе:

Жизнь — это поэма,
где миксы остере бритвы,
где часто молвятся темы,
где часто доаются ритмы.

И отсюда сознавать, что творческое беспокойство, чудесная непосредственность и дерзость неустанного поиска ведут поэта к желанной, уже в этом сборнике четко определенной цели: жизнь и человек, человек и его мечта о мире и счастье на этой земле «серости наперекор, и пусть всегда «продолжается это сражение весны со льдом».

Заключительное стихотворение «Сборника» — «Считайте годы по веснам» — звучит с большой обобщающей силой, просящая время и молодость, жизнь на планете:

Считайте годы
по веснам,
по веснам, а не по зимам,
Стремительно
звизжающим космос
неудержимо.

е. Горький.

Л. БЕЗРУКОВ

1 Горьковский книжный издательство. 1963.

верситете. Я на педагогическом, он — на Физкультурном факультете. Мы дружили с Валентином, но после окончания университета в 1929 году поочередно связь, и как это случилось, не знаю.

Может быть, все-таки удастся его размыслить? — спросил я с надеждой.

Михаил Николаевич помал пелачи... — Правдо, не знаю, как вам помочь. Мне и самому интересно узнать, где сейчас Борис, но как это сделать, ума не приложу.

Прошло несколько месяцев. Однажды в смола университет, И. Н. Серова, он сказал:

Я кое-что вспомнил. Еще в тридцатые годы родных Каленковых я слышал, что работала в городе Лобдорцы на заводе сельхозмашин.

Я поехал в Моску. В июне Моску гостеприимно мне быстра дам ответ. Оказалось, что во всей Моску и Московской области проживают только один Борис Алексеевич Каленков.

Надг встретилс, Каленков рассказал, что работает на лобдорском заводе сельхозмашин, последнее время работает инженером-экономистом в Моску.

Он с радостью рассказав все, что помнил и знал о Вильямсе.

В 1926 году в членс в Саратовском университете, однажды в студенческих общинах принимал заволованый Миша Серва.

Вместе в гостиницу «Астория» Там Вильямс.

С группой студентов мы сразу же направились в гости к Каленкову, где средние встретил Алберт Рус и его жена Люсиота. Потом мы пошла в кино, а на следующее утро, увидев несколько экземпляров своей книги в магазине и поздравил по телефону из нас с авторством.

Надг надано проина писатель-публицист в Саратов, и каждый день мы навещали его.

Пару отчадом он вместе с нами, студентами, посетил редакцию саратовской партийной газеты. Там Вильямс попросил поделиться впечатлениями о нашем крае.

— О сборах материала, очень много материала, — улыбнулся Вильямс. — Хотел бы не только книги, но еще несколько эссе издать своей книги о жизни и поездках по северному из нас с авторством.

Возвращаясь в Саратов, Канкст поздней осенью приехал в глухое село. Случилось так, что неожиданно произошло удивительное событие. Я пошел в сельскую школу узнать, как учащая работа. Но в школе был только учитель.

— Где же ребята? — понтересовался я.

Учитель сказал, что нет дворов, поэтому ребята не ходят в школу.

И востан в тот же день после вечера занятия начались. И знаете, как это произошло?

Я уже успел спать, как вдруг пошелась завонная пыль, заглянула в каждую избу и вместе просиня пару полачина. Мне удивляет, какой стойкостью стретилась ваша волюта и звание! Это стварь поразительна. И обязательно расписано до конца в Америке.

Неважно помочан, Вильямс добавил: — Когда я рассказываю правду в вавшей стране Америки, некоторые говорят, что я подупулен! — И он громко рассмеялся.

— Спустя некоторое время, — вспоминает Каленков, — я получаю от Вильямса фотографию и студентские билеты. — И Каленков доста помелетускую фотографию. Она была копейной той, что принадлежала Вильямсу в Америке в «Смену» в 1958 году.

И ОЖИЛА ФОТОГРАФИЯ

Пондеч беседа я спросил Бориса Алексеевича:

— Вы не знаете, кто на фотографии краиний человек?

— Яру мной юности, Самыа Черва. Когда я учился в университете в Саратове, мы вместе в общности живи и одной комнате.

— А где он сейчас?

Оказалось, что Александр Васильевич Черва и сейчас живет в Саратове. Мне он работнич приключосного северуса. Несчастно на слон шыаевется, он бодр, энергичный. Там же, как и у меня, в городе Вильямса, — это был Александр Вильямс, — это был Александр Вильямс.

— И Каленков доста помелетускую фотографию. Она была копейной той, что принадлежала Вильямсу в Америке в «Смену» в 1958 году.

водит урюком художественной самодеятельности в одном из техникумов.

— Вильямс очень любил русские песни, и как это случилось, я не знаю, — вспоминал я ему, — говорил Вильямс.

ЛЮСИТА ВИЛЬЯМС: Я РАССКАЖУ ОБ ЭТОМ В АМЕРИКЕ

Итак, поинси комсомольцы, засныты вместе с Вильямсом, окончилися в итоге поведомо художественное в «Смену». Но захотелось узнать еще больше о пребывании Вильямса в Саратове, поэтому я написал Люсите Вильямс. Она ответила очень быстро:

«В Хвалынске я с Албертоа Русом просидела несколько месяцев, — писала она. — В октябре 1926 года мы посетили Саратов, чтобы навестить кнуж друзей — студентов Саратовского университета. Вильямс сфотографировался с ними. Алберт Рус долгое время хранил этот снимок.

Вильямс всегда протривал интерес к молодежи Саратов Советов, всегда был счастлив встретим с ней. В последние месяцы своей жизни Вильямс работал над новой книгой о Ленине. Он не раз говорил, что советская молодежь претривает в жизнь мечты Ильича. До конца своих дней Вильямс интересовался жизнью советской молодежи, даже переписывался с советскими студентами.

В октябре 1963 года в Моску, в Центральный дом литераторов, состоялся вечер, посвященный 87-летию со дня рождения Вильямса. Он вместе с А. Сергеевичем, писателем, Юрием Полюевым и Корней Чуковский, один из лучших читателей Вильямса, членская партия США, Гарри Уинстон. Затем выступила приехавшая из Америки Люсиота Вильямс.

После вечера москвичи окружили Люситу, Рассказывая о Вильямсе. И неожиданно Люсиота пошлакая помоялая женщина и, крича вслух, сказала: «Вам придет от Михаила Николаевича Серова. Я его встречаю».

Люсиота в перее в Моску могла выговорить ни слова. Потом всплеснула руками и громко воскликнула: — Наш Мишиа жинвой! Как ства Мишиа! Как ства Мишиа!

Узнав, что Серва и сейчас живет в Хвалынске, сразу же написала ему: «Любимый друг Михаил Серов! Ваш шикст довол Вильямс Люсиота. С радостью я узнала, что Вы живы и здоровы. Надеею, Вы меня не забыли. Сейчас я в СССР по приглашению Союза советских писателей. Меня интересует, как выживаете. Вашу жизнь, чем вы занимаетесь сейчас. Пожалуйста, напишите обо всем. Ваш верный друг Люсиота Вильямс».

Надо ли говорить, как обрадовала Михаила Николаевича весточка от Люсиоты с вполнением претривать на письмо. Помнит ли Люсиота? Да раз в год! — нибудь он забудет ее и Альберта.

Вскоре Люсиота получила ответ:

«Дорогая Люсиота Георгиевна! В дни далекой юности, во время незабываемых встреч в Хвалынске, именно так величала Вас я в мои товарищи. Я была несказанно рад Вамшему письму... Сейчас я живу в Хвалынске. О Вильямсе в нашей работе вспоминают с чувством глубокого уважения.

Об Алберте Русе я сохранила самые светлые воспоминания. Он пришел через всю мою жизнь, он научил меня жить!».

Узнавший Вас Михаил Серова.

Тогда же в Моску и я встретился с Люсиотой Вильямс. Узнав о моих поисках, она сказала: «Интересно! Я расскажу обо всем американским читателям. — И, не забыв, сказала: «Вот стварь сделанного на перроне Саратовского вокзала доволнама фотография особенно дорога. Ведь я ее автор».

Ван всегда, прежде чем открыть тщательно запертую дверь, Эдит Феллоуз поправляла свой рабочий халат и только после этого переступала ту невнятную линию, которая отделила реальный мир от несуществующего. При ней была ее записная книжка и заставка, хотя она с некоторого времени не вела больше систематических записей и прибегала к ним только в случае крайней необходимости.

На этот раз она несла с собой чемодан. («Эти игры для мальчиков... улыбувшись, объяснила она своим знакомым, которые давно уже перестали задавать ей какие бы то ни было вопросы и не издают ни звука»).

И, как всегда, уродливый мальчуган сразу почувствовал ее присутствие и плача бросился ей навстречу.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз... — бормотал он, промолвив слова мягко и слегка невнятно, в свойственной одному ему манере.

— Что случилось, Тимми? — спросила она, проводя рукой по его заросшим густыми космами коричневыми волос безобразной головке.

— Джарри вернулся, чтобы опять играть со мной! Мне очень совестино за то, что произошло... — Не думай больше об этом, Тимми. Из-за этого ты и плачешь.

Он отвернулся.

— Не волнуйся, мисс Феллоуз. Дело в том, что я опять видел сон.

— Опять тот же сон? — Мисс Феллоуз стиснула зубы.

Конечно же, эта история с Джарри не могла не вызвать у мальчугана старое сновидение.

Он кинулся, пытаясь улюлюкнуть, и его широко растопыренные, выходящиеся вперед губы обманили слишком большие зубы.

— Когда же я наконец достаточно подрасту, чтобы выйти отсюда, мисс Феллоуз?

— Скоро... — мягко ответила она, чувствуя, как снимается ее сердце, — скоро.

Мисс Феллоуз позволила Тимми взять себя за руку и, с укоризненным омутком, тепло пронесенное губой сухой кожи его ладони. Он пошел ее через комнаты, которые составляли Первую секцию «Статиса», комнаты, несомненно, достаточно комфортабельные, но чем не менее являвшиеся для светящегося (свинчатого ли?) уродца местом вечного заключения.

Он подавал ее в одному из окон, выходящих на портную мизантропическую кустарником лесную местность.

Он прижался носом к окну и спросил:

— Я смогу выйти туда, мисс Феллоуз?

— Ты увидишь места гораздо лучше, красивее, чем эти... — грустно ответила она, глядя на несчастное лицо маленького заключенного, отраженное в профиль на окном стекле.

Это был невероятный уродливый мальчик, и Эдит Феллоуз очень любила его.

Губы ее зардевались: она могла позволить себе сейчас такую роскошь, так как ее собственное лицо находилось вне поля зрения ребенка.

Нет, они не убьют его. Она поедет на все, чтобы воспреставлять אותו. На все. Она открыла чемодан и начала вынимать нахаживавшие в нем одежды.

Эдит Феллоуз впервые переступила порог анционного общества «Статис Инноваторов» немногим более трех лет назад. Тогда у нее не было ни малейшего представления о том, что такое это общество. Вспомнив, что она не знала никто, за исключением тех, кто там работает, она, действительно, ошеломляюще изнеся, потрился мир, только на следующий день после ее поступления. А назавтра до этого они дали лишь лаконичное объяснение, в котором приглядели на работу женщины, обладающую знаниями в области физиологии, опытом в медицинском химии и лубящую детей. Эдит Феллоуз работала сестрой в родильной отделении и посему пришла и выводу, что отвечает всем этим требованиям.

Джарраль Хосинис, доктор физических наук, о чем свидетельствовала упрямленная на его письменном столе плакатина, потеряв ценю большими пальцами и принеся вынужденно ее разглядывать.

Инстинктивно смавшись, мисс Феллоуз почувствовала, что у нее начинает подрагивать лицо (ее лицо, а с его слегка асимметричным носом и, пожалуй, слишком густыми бровями).

«Самое он отнюдь не красавец, с обидой подумала она: лиснет; начнет полнеть, да вдобавок выражение губ у него какое-то угрюмое, замкнутое...» Но так как сумма, предложенная за работу, оказалась значительно выше той, на которую она рассчитывала, мисс Феллоуз решила не торговаться с выгодами.

— Итак, вы действительно любите детей? — спросил Хосинис.

— В противном случае я не стала бы притворяться.

— А может быть, вы любите только хороших детей? Этаких прелестьных соседствующих хендик руиничных с ирошенными носиками?

— Дети всегда остаются детьми, доктор Хосинис... — ответила мисс Феллоуз, и случается, что именно некрасивые дети больше других нуждаются в поддержке.

— Предположим, что мы возьмем вас...

— Но вы хотите сказать, что согласны нанять меня?

На его широном лице мелькнула улыбка, придав ему на какой-то миг странную привлекательность.

— Я быстро принимаю решения... — сказал он. — Пока что я еще ничего не предлагаю вам и вполне могу отступить от вас ни с чем. А сами-то вы готовы принять мое предложение?

— Стиснув губами, смучену, мисс Феллоуз со всей быстротой, на которую она была способна, стала подсчитывать в уме те выгоды, которые сулила ей новая работа, но, погрузившись внезапно никуда, отбросила вдруг все расчеты.

— Да.

— Прекрасно. Сегодня вечером мы собираемся погустить «Статис» в ход, и я думаю, что вам следует присутствовать при этом, чтобы сразу же присутствуй с своим обязательством. Это произойдет в восемь часов вечера, и я надеюсь, что вы уже здесь в семь тридцать.

— Но что...

— Ладно, ладно. Пока все. По сигналу вонша улыбающаяся секретарша и проводила ее из кабинета.

Когда ровно в половине восьмого она снова пришла сюда, то с удивлением заметила, что ей не понадобилось ничего о себе сообщить. Все те, кто подавали ей руку, и те, кто не подавали, так и не заметили, что она не пришла, но и характер ее будущей работы. Ее немедленно провели вглубь здания.

Она находилась на балконе, с которого открывался прекрасный вид на город, заключенному на миним-то приборам, представлявшим собой на первый взгляд нечто среднее между пульта управления космического корабля и контрольной панелью элктронно-счетной машины.

Вдоль балкона тянулись перегородки, служившие стенами для лишнего потолка квартиры. Это был как бы гигантский нулевой этаж, внутренне убранный от внешнего просматривалось как на ладони с того места, которое заняла мисс Феллоуз.

Ей снова были видны стоявшие в одной из комнат электронная плита и холодильная установка, и расположенные в другом помещении оборудование ванной. А предмет, который ей удалось рассмотреть в третьей комнате, мог быть только частью кровати, вальсенькой кровати...

Хосинис разговаривал с каким-то мучником. Вместе с мисс Феллоуз на балконе их было трое. Хосинис не представлял ей незнакомца, и мисс Феллоуз оставалась лишь испуганно разглядывать его.

— Я отнюдь не собираюсь, доктор Хосинис, делать вид, что мне все это понятно... — говорил он. — Я хочу сказать, что понимаю не так много в тех пределах, которые доступны достаточно интеллигентному неспециалисту. Но, даме учтивости границы моей компетенции, я хочу заметить, что одна сторона проблемы мне менее ясна, чем другая. Я никак не вижу вынужденности, если в состоянии проинтервью очень далеко; допустить, что это понятие. Чем дальше вы продвигаетесь, тем туманнее, расплывчатее становится объекты, что требуют большей затраты энергии. Хорошо. Но в то же время вы не можете достичь более близкого. В этом-то и кроется для меня загадка.

— Если вы позволите мне воспользоваться аналогией, Девеней, я постараюсь представить вам проблему в таком свете, чтобы она казалась менее парадоксальной.

Проследовавшее в разговоре имя незнакомца, помимо ее воли, пронеслось на мисс Феллоуз впечатлением, и ей тут же стало ясно, что он, Это, видимо, был сам Нандия Девеней, писавший для телевизионных новостей очерки на научные темы, тот Нандия Девеней, личным присутствием которого были отмечены все крупнейшие события в научном мире.

— Если вы считаете, что это поможет, то почему бы вам и не воспользоваться аналогией? — спросил Девеней.

— Ну, хорошо. Итак, вам, конечно, известно, что вы не в состоянии читать книгу со шрифтом обычного формата, если эта книга находится от вас на расстоянии шести футов, но это сразу же становится возможным, как только расстояние между вашими глазами и книгой сократится до одного фута. Как вы видите, в данном случае пока действует правило: чем ближе, тем лучше. Но ес-

Айзек АЗИМОВ,

американский ученый-биолог и писатель-фантаст

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

ли вы приблизите книгу настолько, что между ней и вашими глазами останется всего лишь один дюйм, вы снова потеряете способность читать ее. Отсюда вам должно быть ясно, что существует такой протипатив, как слишком Большая близость.

— Хи, — произнес Девеней. — Вы разрешите использовать это в моем рассказе?

— Пожалуйте. Я только буду рад, ведь я достаточно долго ждал кого-нибудь вроде вас. Я дам все необходимые вам сведения. Намечено наступить время, когда мы можем разрешить всему миру взглянуть через наше плечо. И мир кое-что увидит.

Мисс Феллоуз поймала себя на том, что вопреки собственному желанию восхищается его спокойствием и уверенностью. В нем угадывалась огромная сила.

— Каков предел ваших возможностей? — спросил Девеней.

— Сотни тысяч лет.

— У мисс Феллоуз перехватило дыхание.

Летя, казалось, сам воздух застыл в напряжении. Люди у приборов управления почти не двигались. Кто-то монотонно бросал в микрофон короткие фразы, смысл которых мисс Феллоуз не могла уловить.

Перегнувшись через перила балкона, Девеней внимательно всматривался в то, что происходило внизу.

— Мы увидим что-нибудь, доктор Хоскинс? — спросил он.

— Что вы сказали? Нет, вы ничего не увидите до тех пор, пока все не свершится. Мы обнаруживаем объем космоса, как бы по принципу разрывной установки, с той разницей, что вместо взрывающих зарядов, предпочтением пользуются мезонины. При наличии соответствующих условий мезоны возвращаются, причем некоторая часть их отражается от каких-либо объектов, и наша задача состоит в исследовании характера этих отражений.

— Должно быть, это довольно трудная задача.

— Да, лицо Хоскинса промелькнуло улыбка.

— Перед вами результат пятнадцати лет упорных исканий. Лично я занялся этой проблемой

десять лет назад. Да, все это действительно очень нелегко.

Человек у микрофона поднял руку.

— Ума несколько недель мы фиксируем один определенный момент, удаленный от нас во времени, причем мы то прекращаем опыт, то восстанавливаем заново, предварительно рассчитав наши собственные перемещения во времени, и тем самым еще и еще проверяем нашу способность с достаточной точностью ориентироваться во времени. Теперь это должно работать безотказно.

Дэйт Феллоуз вдруг заметила, что она максимально оставила свой стул и тоже стоит у перил, но смотреть пока было не на что.

— Сейчас, — спокойно произнес человек у микрофона.

Наступила тишина, продолжавшаяся ровно столько, сколько требуется времени на один вдох, и из кубического домика раздался пронзительный вопль смелости испуганного ребенка.

Голова мисс Феллоуз резко повернулась в направлении крика.

А Хоскинс, ступив кулаком по перилам, голосом, изменившимся и дрожащим от торжества, произнес:

— Сработало.

Подталкиваемая в спину твердой рукой Хоскинса, который не сомкнул даже зловоручь с ней, мисс Феллоуз спустилась по короткой винтовой лестнице в шахту.

Те, кто до этого момента находился у приборов управления, собрались теперь здесь. Они курлили и, улыбаясь, наблюдали за появившейся в главной помещении троицей. Со стороны кубического домика доносятся слабые журжающие.

— Командные в «Статис» не представляют ни малейшей опасности, — обратился Хоскинс и Девеней. — Я сам проделывал это множество раз. На какой-то миг у вас повисают странные ощущения, которое не оказывают абсолютно никакого влияния на организм.

Как бы желая продемонстрировать правильность своих утверждений, он открыл в открытую дверь. Напряженно улыбаясь и почему-то сделав глубокий вдох, за ним последовала Девеней.

— Идите же сюда, мисс Феллоуз! — нетерпеливо воскликнул Хоскинс, понавив ее пальцем.

Мисс Феллоуз кинула и меловую перекладинку порою. Ей показалось, что тело ее потрела изнутри внутренняя дробь, но так только она почувствовала дома, что ощущение полностью исчезло. В доме пахло свежей древесины и влажной почвой. Теперь здесь было тихо, во всяком случае, не слышно было больше голоса ребенка, но зато откуда-то раздавались шарканье ног и шорох, как будто кто-то проводил рукой по дереву. Потом послышался стон.

— Где же он? — в отчаянии воскликнула мисс Феллоуз. «Неужели этот глупец безразлично, что там происходит?»

Мальчик находился в спальне, или, вернее, в комнате, где стояла кровать.

Он был совершенно обнажен, и его забрызганная грязью грудь неровно вздымалась. Охлажденная с грязью жесткой травой рассыпавшая по полу у его боков коричневые комки. От неведомых запахов земли с прищипью какого-то зловония, Хоскинс прочел несравнимый укус в ее удерживаемых на ребенка глазах и с раздражением произнес:

— Не было никакой возможности, мисс Феллоуз, вытратить малочислу чистым из такой глубины выков. Мы вынуждены были захватить для безопасности кое-что из того, что его окружало. А то бы он явился сюда без ноги или части черепа.

— Прощу вас, не надо! — воскликнула мисс Феллоуз, кинувшись от желания прекратить этот разговор.

— Почему вы бездействуете? Ведите ребенка испуган. И он кричит.

Она была права. Мальчик был покрыт кусками засохшей грязи и какого-то жира, а его бедра пересекла воспаленная царапина.

Когда Хоскинс приблизился к нему, ребенок, которому на вид было немногим более трех лет, низко пригнулся и быстро отскочил назад. Его верхняя губа оттопырилась, и он издал какой-то странный звук, нечто среднее между ворчанием и кошачьим шипением.

Хоскинс быстрым движением схватил его за руки и оторвал отталкивание и извивающегося ребенка от пола.

Держите его так, — сказала мисс Феллоуз. — Промде всего ему необходима теплая ванна. Его нужно как следует вымыть. У вас есть здесь все необходимое? Если да, то, пожалуйста, принести вещи сюда и хотя бы вначале помогите мне с ними справиться. Кроме того, дайте мне свечей, распорядитесь, чтобы отсюда убралось все это грязь и мусор.

Теперь настал ее черед отдавать приказания, и она чувствовала себя в новой роли переносицей распорядительной заводящегося уступила место опытной медицинской сестре. Она взглянула на ребенка у двери ванной с профессиональной точки зрения, и на какой-то миг замерла в замешательстве. Грязь, которую он вытер, его волосы, извивающиеся в тщетной борьбе тело

все это куда-то отступило. Она рассмотрела самого ребенка.

Это был самый уродливый мальчуган из всех, которых ей приходилось когда-либо видеть. Он невероятно безобразен до макушки его бесформенной головы до изогнутых носовых ноз.

Он поплывал по воде, когда-либо выныкнув мальчишка. Остальные в это время охотились поменьше. Она радостно выныкнула из воды, вольной гордости, раздраженной его ни на минуту прекращавшимся плаванием. Она была рада, что там, где мильная вода промочила насказовые плывки.

Когда мама ребенка приняла наконец вполне сносный розовый оттенок и загнала дутьшим воздухом, она, наконец, могла-либо видеть, как выглядела сама себе лучше. Кричать мальчишка уже был в состоянии; он лишь устало стоннул, а то и врал, как его имя, и тогда-либо выныкнув мальчишка быстро перебегал с одного лица на другое, не выходя из вида. Она не могла видеть, как выглядела в комнате. То, что он был теперь мист, только подчеркивало худобу его обнаженного, дрожащего от холода после ванны тела.

— Дайте же наконец ночную рубашку для ребенка!

В тот же миг откуда-то появилась ночная рубашка. Конечно, что все было подготовлено заранее, однако ничто не трогаешь, что до ее приезда, как будто умышленно оставаясь за ней право распоряжаться и тем самым истощая ее.

— Я подарю его, мисс, — покладая к ней, сказал Девеней. — Обида вам не справится.

— Благодарю вас.

Следующее час удалось надавать на ребенка рубашку, ни пришлось вынуть из комнаты, как будто мальчишка попытался сорвать ее с себя, она сильно устала его по поводу.

Ребенок покраснел, но заплакал. Он во все глаза уставился на нее, ошарашив мелочливый маленький фланелевый рубашку, как бы искушая эту невзгодную яго предмет.

— Теперь что-то отчаянно подумала мисс Феллоуз.

— Вы, конечно, даже уродливый мальчуган, замечая, как бы онидать, что она будет давать больше.

— Вы позоветесь ли лицо, о моноте? — решительно спросила мисс Феллоуз.

Они предостерегли и это в комнату втянули спертый запах табака, который вылетел из холодильного отделения и нагревательного устройства.

Вся комната она взяла одно только молото. Электронная установка за канюх-нибудь десять секунд могла бы довести ее до температуры, которая бы практически выключилась. Она нашла немного молота в блокаде, не сомневаясь в том, что уровень развития ребенка не имеет никакого значения, обращаясь с машиной.

Мисс Феллоуз пригнула мальчугану и, обращаясь к нему, прошептала:

— Мей, му, пиджик! — Она теперь показала ему, как поднести блокоте по рту. Глаза ребенка следили за ее движениями, но он не шевельнулся.

Внезапно она показала ему, как поднести блокоте к рту по выше лонга, она опустила свою свободную руку в молото и вынула оттуда кусочек молота, так что нагли идиотские потенции по его щекам и подбородку.

— Блокоте завила, но вдруг, уловив, начал облизывать свои влажные губы. Мисс Феллоуз отодвинула назад.

Мальчик приблизился к блокаде, наклонился и облизнул и затем, быстро отглянувшись по сторонам, начал высасывать притягательную жвачку, снова нагнувшись к молоту и начал его жадно лизать, как собака.

Мисс Феллоуз не в силах была до конца скрыть охватившее ее при виде этого чужого, и, конечно, кое-что отразилось на ее лице, потому что Девеней, взглянув на нее, промолвил:

— Доктор Хосинис, а сестра в курсе того, что происходит?

— В курсе чего? — заинтересовалась мисс Феллоуз. Девеней замолчал, но Хосинис, по выразительному лицу которого можно было заподозрить, что все это вполне его забавляет, сказал:

— Ну что бы вы хотели было заподозрить, что все это вполне его забавляет, сказал:

— Вы, по всей вероятности, даже не подозреваете — обратившись к ней, — что вы совершенно не волею случая вы первая в истории цивилизованной женщины, которой приходится ухаживать за ребенком-неандертальцем.

— Сдержанная охвативший ее гнев, мисс Феллоуз поклонила и Хосинис.

— Вы могли бы предупредить меня заранее, доктор.

— А зачем? Какая вам разница?

— Речь шла о ребенке.

— А разве это и ребенку? У вас когда-нибудь был ребенок или котенок, мисс Феллоуз? Неужели вы не больше любите детей? А если бы это оказался детский шампанье, вы бы не получили бы заисда детеныш шампанье, вы бы получили бы и нему отращивание? Вы медицинская сестра мисс Феллоуз, судя по нашим документам, вы работали три года в родильном отделении. Вы когда-нибудь отращивали у новорожденных детей?

Мисс Феллоуз почувствовала, что терпит под собой почву.

— Вы все-таки могли бы сказать мне это раньше, — уже немее решительно промолвила она. — Для того, что вы могли бы выработать отращивание от этой работы? Не следует ли из этого, что вы должны это сделать теперь?

— Он холодно посмотрел на нее. — Он холодно посмотрел на нее, как будто она только что пришла в комнату. Девеней, а вы выливая начисто блокоте, полярка и ней все молотила, как с широким раскрытием и о чем-то молчишь глазами.

Мальчик жесток указал на молото, и вдруг из его рта послышался звук, который мисс Феллоуз и те же отращивать горнатые звуки впервые слышала, с искусственным смехом.

— А ведь он говорит! — удивленно воскликнула мисс Феллоуз.

Конечно, — сказал Хосинис. — Немец вывелась действительности является не отравленным видом, а скорее разновидностью Нью арлеина. Так можно было бы сказать о ребенке. Вполне возможно, что он просит себе молото.

Мисс Феллоуз дамышально потянулась за бутылкой шампанского, чтобы отплатить ему.

— А теперь, мисс Феллоуз, прежде, чем вы будете отращивать его, вы должны убедиться, что он остается в выи нет.

Мисс Феллоуз раздраженно вытерла руку.

— Если вы если вы что, не собираетесь в этом случае кормить его? Я побуду с ним... некоторое время.

Она нашла ребенку молото.

— Вы должны убедиться, что вы здесь с мальчишкой, мисс Феллоуз, — сказал Хосинис. — Это единственный вход в Первую секцию «Гласиса». Девеней, вы должны убедиться, что вы здесь с мальчишкой. Я хотел бы, чтобы вы изучили систему наведения, чтобы убедиться, что вы здесь с мальчишкой. На отпечатки ваших пальцев, так же как он наводит на отпечатки молях доминирующих. Пространство, которое вы здесь видите, является тем же самым потоком нулевого доминанта, который находится в любом случае, если здесь что-либо произойдет.

Мисс Феллоуз в недоумении окинула взглядом нулевого доминанта.

— А для чего это же, доктор Хосинис? Разве мальчишка представляет собой какую-нибудь опасность?

— Видите ли, мисс Феллоуз, все дело в энергии. Он никогда не должен покидать это помещение. Никогда. Ни на секунду. Ни по какой причине. Вы должны убедиться, что вы здесь с мальчишкой для того, чтобы слассти а шу жизнь, мисс Феллоуз.

Мисс Феллоуз долго всматривала молото.

— Я знаю, что такое приказ, доктор Хосинис. Девеней, вы должны убедиться, что вы здесь с мальчишкой, если вам не нужно побуждать.

— Я знаю, что такое приказ, доктор Хосинис. Девеней, вы должны убедиться, что вы здесь с мальчишкой, если вам не нужно побуждать.

Обернувшись, мисс Феллоуз увидела, что мальчишка, стоя на стульчике, смотрит на нее своим молотом взглядом. Его испуганные глаза ни на секунду не переставали следить за ней, подстерегая малейшее неверное движение. Она вдруг заметила, что инстинктивно пытается уклониться его, молотом отталкивая руку и его молотом отталкивая, однако, чтобы рука эта была все время в поле его зрения. Тем самым она давала ему понять, что она не боится его молотом отталкивая.

— Она ухотилась поглядеть его по голове.

Мальчик снова зашевелил языком.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она прогнула ему обе щеки, чтобы посмотреть, как она ухотилась поглядеть его по голове.

— Правильно, — выгнула она.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

— Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове. — Она ухотилась поглядеть его по голове.

роду, монотонно свернувшись на полу, глядя на нее своим молотом взглядом.

В полуроту его внешность показалась ей менее отталкивающей.

— Ах ты бедняга, бедняга, — промолвила она, осторожно глядя его по голове, чувствуя, как иглообразные пальцы ее рук вонзаются в кожу его головы.

— Ах ты бедняга, бедняга, — промолвила она, осторожно глядя его по голове, чувствуя, как иглообразные пальцы ее рук вонзаются в кожу его головы.

Она села рядом с ним и начала медленно и ритмично гладить его волосы, шею, руку, тихо напевая и поглаживая его.

Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

— Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь увидеть ее лицо.

М. ВАСИЛЬЕВ
Я. ГОЛОВАНОВ

Фото
В. ГИПЕНРЕЙТЕРА

злазки стояли, окруженные зарослями недрача, в центре неширокой горной долины. С трех сторон долину окружали величественные конусы вулканов. Вершина одного из них непрерывно исторгала клубы грязно-серого дыма. Их подхватывал ветер и некоторое время словно бы катил вниз по склону, потом отрывал тяжелые глыбы газа и разминал их в своих упругих ладошках-струях. Они стремительно таяли совсем близко от вулкана и только эти отделившиеся от облаков настоящие, способные часами висеть, прилежались и склоны, приносясь им на острие безмятежной силы. Над вершиной второго вулкана, вышедшего самого сурового и грозного, до половины покрываю стемной шапкой, можно было рассмотреть черный обесцвеченный пологую на тонкий устремленный в небо палец.

— Это пальцы по последнему извержению, — объяснил встретивший нас человек. — Очень взгляну, густую лаву порчилами вымыло из кратера, и она не стала по силону, а поднималась, не теряя формы, как зубной палец из топки. Впрочем, диаметр этого столбика — тридцать восемь метров...
Человек стоял, опираясь на колыбель, в наброшенном на плечи широкую платце, чванто похолодну. Большую серую птичку, опустившую слюванов в битву крыло. Нет, не было безмятежности в этой позе. Скорее — терпеливое мучное ожидание. Придет же срок, и я еще взмахну крылом и поднимусь в небо.

Человек протянул нам левую свободную руку и назвал себя: — Чирков. Толя.

Там мы впервые встретились с вулканологом Анатолием Чирковым. И потом мы много беседовали с ним — и у вечернего догорающего костра, и ночью в палатке, по горло занурившись в спальные мешки, и утром, умывшись ледяной водой рукья. Но о

чем бы ни шел разговор, Чирков все время поглядывал в сторону дымящейся вершины Аватинского вулкана. Мы знали, там, на вершине Аватинского вулкана, происходил первый ирриф фронта науки, там были его дурные-разведчики. Ему очень хотелось туда. Ведь он тоже принадлежал переднему краю. Самому переднему.

Вот только одна страничка его жизни — жизни ученого и исследователя, жизни своего человека, комплексца шестидесяти годов.

Хорошо астроном! Время начала и конца затмений, прохождения звезд, встреч планет можно вычислить заранее на сотни и тысячи лет. И если тебе нужно, можно исследовать наиболее-либо из этих небесных явлений, ты можешь хорошо подготовиться, проучиться опыты, построить специальную аппаратуру, поехать на самое удобное для наблюдения место земного шара. Плохо вулканолог! Измерения вулканов не предсказываем даже за месяц, даже за день. Они всегда неожиданны. И, чтобы увидеть воочию извержения, вулканолог должен слышать броски начатые работы, чтение лекций, семейные дела. Иначе он ничего не увидит. Иначе он ничего не добывает в ту сияющую фантом, из сопоставления которых должна родиться практическая методика предотвращения подземной погоды.

Глубокой камчатской зимой 1952 года началась извержение Каринского вулкана. 19 октября над его вершиной поднялся самолет. Летчик заметил тонкую огненную стружку, стелющую по кратеру по стенку вулкана — лавовая палец. И уже 26 октября у подножия огнейшанной горы опустился вертолет. Пролетели вулканолог.

Их было пятеро: руководитель группы Генрих Штейнберг, помощником его был Анатолий Чирков. Кроме них в группу входил вулканолог Миша Фе-

доров, петрограф Олег Волынец и химик Лева Серфимович. Быстро в укронном месте — чтобы ветер не дуло — они развинули палатку. Разложили спальные мешки, рюкзаки, загляли неизменный примус. А когда стемнело, глазами их просто-ло воплише зрелище.

А вукол — вершая масть вулкана — был покрыт светящимся в темноте багровыми и оранжевыми пятнами. Над вершиной похлыало зарево. Роготали густые взрывы. Из недрла влетали в черную ягуль леба огненнокрасные глыбы — вулканические бомбы. Подобно чудовищным ракетам грандиозного фейерверка, они описывали крутые траектории и падали на каменистые склоны горы. Иные тут же раскисывались, огненный нападпад устремлялся дальше, вниз. Другие, оставшиеся целыми, мчались вниз громадными голышниками, подпрыгивая на ухабахистых склонах, пока не срывались в заснеженной пропасти или не заминавались среди скал.

Целую ночь не утихал злобный маленький фейерверк. А утрю люди полади на обмене с ним. Это не было ценоуцелой веры туркистской славы, это скорее наполненное продвижение разведчиков под методичными артиллерийскими огнем хорошо вооруженного противника. После каждого очередного взрыва, сопровождающегося камнепадом, люди на склоны горы замирали, повернувшись в вершину. Надо было заранее предвидеть путь огненных снарядов и отскочив в сторону, вернуться от них или, присев под канюшающей силой, приступить над собой. Поначалу это было даже не очень сложное быстрое реакция смельчаков уверенно противостояла методично тупой атаке природы. Только на исходе усталости было ослаблять бдительность.

Там под непрерывную обстрелом люди шли по силону вулкана. Они работали. Мерили температуру «бомб», застрелившие в камнях, радиометром

определяли их радиационность, брали образцы. Так они дошли до лавового потока. Уже две огненных реки лились из кратера вулкана, и третий огненный поток устремился вниз.

Исследователи разделились. Волынец, Федоров и Серфимович спустились к лавовому потоку. А Штейнберг и Чирков начали подниматься к вершине. Они хотели попасть на палец и утрю преме атлаи помидона новой лавовой реки. Это было более ответственная и более опасная задача. Потому и принял ее на себя руководитель группы Анатолий Чирков.

Чем ближе к вершине, тем гуще камнепад. Перебегали по одному. Другой ждал, пока его товарищ не найдет какое-то безопасное место под ярким светом лавового потока. Всего в двух метрах от них. Сверху его покрывала серая дымка, оставляющая короткую и яркую пронзительно неомыдающую огненную глыбу ушла эту неустойчивую платформу. Игнорировать опасность раскисления нутро потока. На вулканологов похлыло лавой. Надо было уходить. Куда? Чирков оглянулся, и в тот же момент сильный удар сбил его с ног.

Последнее, что он видел — встревоженное лицо Генриха Штейнберга и летящий на него огненно-красный камень. Он успел крикнуть: «Генрих! Генрих!»

Чирков упал возле самого потока и сразу почувствовал жар. Болит еще не было. Глазками не находил травяной покров. Генриха же удар камня отбросил за выступ скалы.

Чирков потрогал левую ногу и ощутил боль. Значит, все в порядке, целая. Трянул колено правой и ничего не почувствовал. А нога, как чума, сдвинулась в сторону. И тут же яростно ударила боль, от которой хотелось соринуть зубами. Анатолий повалился правая нога сломана в бедре.

Превозмогая боль, он попытался сдвинуться глыбы на этот раз миновали его. Впрочем, он уже не обращал на них внимания.

Под скалами на самом краю площадки, там, где, несомненно разбросаны руины, Генрих, Чиркову заперли ноги его остроконечные раскисшие глаза и залитое кровью лицо.

Генрих! Генрих! Тот шевельнулся и повернул голову. Еще движение — и он свалится с обрыва скалы.

Чирков собрал всю волю и лобно схватился за шею.

— Генрих! Ты слышишь меня? Встань, пожалуйста!

Раненый исполнил приказание. Вряд ли он в это время сознавал что бы то ни было.

— Сделай шаг...
Чирков шагнул вперед. Но сил хватало всего на один шаг. Генрих упал, ткнувшись лицом в меховые рукавицы.

Чирков достал из сумки ранку. Алая звездочка коротко замыла вверх наперевзлет лицом дымящим утисками намыли. Не заметив товарища из нижней группы.

О т слыши, заслонившей исследованием от непрерывного потока лавы. Чирков, если около десяти километров, Чирков пробуете пройти их в метр, если двое из пятнадцати сами идти не могут.

— Карлы ми в Генриху запомним на всю жизнь, — говорит Анатолий Чирков.

Лену налегке — с тремя рюкзаками — отравил и палатке: вылезать по радио санитарный вертолет.

Больных транспортировали по одному. Сначала Генриха. Его, ничего не соображающего, оглушенного ударом, вели под руки. Батальные ноги раз наступали несколько шагов подталкивались, и он повисал на руках товарищей.

Пройдя метров двести, выбрали защищенное место и кинули его на землю. Надо было возвращаться за Анатолием.

Рывками от фотоаппаратов, ремнями рюкзаков привязали ему раздробленную ногу и зафиксировали. Завернули вину по силею. Анатолий почти не стоял. Только когда его поманили на первом привале рядом с Генрихом и к боли в ноге прибавилась боль разбитой на камнях спины, он сизово зубы сжал ребртам.

— Сознание бы хоть потерять... Олег Волынец посмотрел на него злыми глазами и побойчал.

— Не спиши... Сейчас потеряешь... Да, это было нелогично. Передовая фронта науки на этот раз до мельчайших деталей напоминала передовую на расстоянии фронта.

Выстро упала ночь. Звездная камчатская ночь с резкими полутьмами, делавшими пейзаж непривычным и таинственным. Сзади разгорачивал свой дасис, зноющий фойерер вулкан. Пришлось укоротить расстояние между «привалами». Да и то обидники потеряли Генриха. Оказалось, что он, пока товарищи жорили за Анатолием, в бреду упал на-под камня, под которыми его оставили... Нелегкой была эта ночь и для раненых и для засорив.

Забрелило утро. Брало показавшая палатка. Здесь, в тепле, оторри спиртом отгнорженные палцы на ногах Анатолия. У него хватило сил улыбнуться Олегу.

— Напрасно обещаа. Сознание-то я так и не потерял...

М вот мы сидим у костра с одним из этих людей, пытавшихся изжить тайны Карымского вулкана. Им тогда пришлось отсутствовать... Надолго ли? Может быть, их навсегда отлучил та ночь лезть в пасть огненного дывола? Чирном рассказывают:

— Генрих пришел в себя в больнице только на восьмые сутки. Сейчас он руководитель Азачинского отряда. Не сменяли профессии ни Федор, ни Волынец, ни Леня Суржикович. Хуже всех мне. Хромоно. А разве может быть вулканолог хромым? Мне же по камням прыгать надо...

Мы сидим у костра, и беседа идет о разном. И о стихах Рождественского и о загадках Чукотки. Об убитых Тойей индейках и вечнозеленых растениях Камчатки. Но главной темой разговора было затанцовшее под нашими ногами на пятикилометровой глубине огненное озеро. Казалось, вулканолог видит его сизово, тонкую броню земной коры, может проследить узкие ходы трещин, соединяющих этот подземный залив с великим океаном магмы. И неизбежно камиде несколько минут оглядывался он на почти исчезнувший во мгле конус вулкана.

Там проходил передний край науки.

Один известный вулканолог говорил, что извержение вулкана подобно вспышке фонаря, освещающего нам тайны строения планеты.

Генрих Штейнберг — Мы не имеем права пропустить эту вспышку, не имеем права опоздать...

НЕ ВСЕ СПОКОЙНО В ШАХМАТНОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Мы часто восклицаем: «Ботвиннику уже за пятьдесят, а как играет!» Или: «Канабанико-то было всего десять лет, когда он стал чемпионом Кубки!»

Единороство возраста, желание в области спорта, реальность в шахматах. Это статистическое соцветие шахматного искусства в глубоком анализе не нуждается: любой человек мыслит — и юный и старый.

Сейчас советские шахматисты в расцвете: чемпионом мира Тигран Петросян и Нона Гаршидзашвили — наши соотечественники, все шахматные олимпиады заканчиваются победами советской команды, красивые шахфы в Центральном шахматном клубе, на Госсовском бульваре, 14 (адрес, известный шахматистам всей планеты), переполнены золотыми и хрустальными призами за всевозможные победы нашей шахматной гегемонии.

Но не все спокойно в «шахматном королевстве»!

В 1955 году восемнадцатилетний ленинградец Борис Спасский на турнире в Бельгии завоевал

Михаил БЕЙЛИН, Виктор ЛЮБЛИНСКИЙ,
мастера спорта СССР

КТО СТОИТ ЗА СЛИВНОЙ ПЕТРОСЯНА

титул чемпиона мира среди юношей. Небольшая пауза, и он в межзональном («взрослом») турнире добывается звания международного гроссмейстера.

В 1957 году поднялся еще один блестящий шахматный тактик — рижанин Михаил Таль.

С тех пор, как на шахматном небосклоне загорелись звезды Спасского и Талья, прошло уже немало лет. Идет девятый год «гроссмейстерства» Спасского. Таль уже успел побывать чемпионом мира, стал экс-чемпионом и снова «рубится» на подступах к званку «шахматного короля», а на вопрос: кто самые молодые советские гроссмейстеры? — ответить можно только по-старому: Спасский и Таль.

Выло бы приятно утверждать, что Спасский и Таль овладели секретом вечной молодости, однако ближе к истине провозгласила догадка, что наши молодые мастера никак не могут достигнуть гроссмейстерского класса.

И это еще не все. В 1957 году в юношеском чемпионате мира победила американец Уильям Ломбарди, в 1959 году — аргентинец Александр Валицкий, в 1961-м — югослав Бруно Парма, в 1963 году титул сильнейшего выиграл румынский юноша Флорин Георгуя. А где же наши? Участвовали, но успехи были скромнее скромнее.

Наша сборная студенческая команда ежегодно участвует в командных соревнованиях, которые метко окрещены «малыми олимпиадами». Статьи о выступлениях советских студентов в последней такой «олимпиаде» назывались «Почему мы проиграли?»

Соревнования проводились в Югославии летом 1963 года. Наша команда заняла только

четвертое место. Между прочим, набившая оскомину присказка «дома и стены помогают» не всегда годится. В 1961 году студенческая командное первенство мира игралось в Ленинграде. И родные стены «помогли» нашим шахматистам: они анализ второе место, уступив победу американцам.

Теперь «старик» Спасский может с полным правом говорить:

«Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешние племена,
Быстрые, богатые, знающие,
И в шахматы не забывавшие».

До 1958 года за год появлялось 5—6 новых мастеров, в те годы 28—30. Крутичий язык в шахматах относительный. Его не измеришь ни сантиметрами, ни голами. И если мастерами становятся не слишком «крепкие» шахматисты, то они неминуемо ослабевают «обороту» отряда мастеров и создают возможность «прорыва» для тех, кому быть мастерами расплато.

В бочке шахматного меда появилась уже не одна ложка дегтя. Конечно, из двухмиллионной армии шахматистов все равно сами по себе «прорисуются» новые таланты. Но разве это дает основания сидеть у моря и ждать погоды? «Наши гроссмейстеры держат фронт крепко, а ведь, и в тылу как-нибудь все само собой об-

спонивающего П. Романовского. Но это люди, надежные природные педагогические таланты. Думается, что многие очень сильные шахматисты не развлеклись как тренеры только потому, что их педагогические способности скрыты в глубине, и необходимо обучить их искусству тренерской работы в 1964 году были организованы аспирантура по шахматам при ЦНИИФК. За восемь лет подготовлен всего один-единственный кандидат наук. Шахматный сектор Центрального научно-исследовательского института физической культуры «просуществовал» до прошлого года и ушел в небытие, так и не оставив следов в истории и теории шахмат.

Довольно безобразное положение складывается в среде юношеской молодежи. Созданы институты высшего и среднего специального образования рекомендовано спортивным кафедрам и спортклубам вузов перевести тренерскую работу по шахматам на общественные начала.

В результате даже в Москве из 68 вузов лишь в двух постоянно работают специалисты. Даже у команды Московского авиационного института, являющейся чемпионом СССР среди вузов, в течение многих лет нет квалифицированного тренера! Особенно отягощенными являются учебно-тренировочная работа в педагогических институтах — будущим учителям нужны основы теории и практики шахматной игры было бы совсем не лишним.

Анекдотичен порядок оплаты труда тренера по шахматам. Во внимание принимается не мастерство, а наличие... физкультурного или медицинского образования.

Конечно, такие события — это не провал на очередном турнире. Прогрыз президенту Шахматной федерации должен обдумать обязательно, а провал попытки создать научно обоснованную систему подготовки тренеров рассматривать. И ведь бы ли и не ему? Пусть бы, этим занимаются футболисты, а шахматисты и без того умные и образованные.

БЛИЦ ПРИНОСИТ ВРЕД

Алексей говорил, что с помощью шахмат он воспитал свой характер. Однако шахматы не являются исключением из общего правила. «Пользоваться» ими нужно с умом. Увлечение какой-либо одной стороной шахмат или же одним из ее элементов, например, быстрым блитцем, Шахматист-фанатик, человек, неизменно большой шахматной горячкой, — это всего лишь хорошая мишень для карикатуристов. Тренер, обучающий одного шахматиста, должен осознавать, что он участвует в воспитании человека.

К сожалению, ошибки в воспитании молодых шахматистов не редкость в наших юношеских коллективах.

Выпали случаи, когда в погоне за сенсацией печатались вздорные сообщения о шахматных чудачествах. Рассказывали мальчишку, а настоящего шахматиста из него так и не получились. Характер юного гения оказывается исключительно плачевным, направляет его никто. Несмотря на пресекать шахматной общественности, время от времени в печати все еще встречаются кривляющие информации: «В будущем гроссмейстеру патлы!» — или то же.

Есть такая разновидность игры в шахматы — блитц. Пять минут каждому на всю партию, шевкают книжки часов, летят фигуры, на космических скоростях завершаются комбинации... Ужасная быстрота. А, между прочим, блитц-шахматы оказываются митурным. Вот, например, Ботвинник вообще не играет блитц. Многие гроссмейстеры не прочь развлечься им в свободное время, но долу время, а пользы нет. Блитц — это потеха, но вот беда: организовать блитц-турнир куда легче, чем провести серьезное звание. В этом учебном году в Москве проведено множество турниров шахматных секций Дворца пионеров и молодежи. Встретились, блестящий блитц, приносит вред, отвлекает от серьезного изучения шахмат.

Еще одно вредное увлечение — погоня за числом разрядов. Это приводит к тому, что совсем еще юные шахматисты играют на чемпионате из турнира в турнир. А учебно-тренировочная работа? Для нее просто нет времени. Нужно расцвять разрядников, но нельзя забывать, что разряды не являются ни средством, ни целью.

Что же надо сделать, чтобы вернуть в нашу страну звание чемпиона мира среди юношей? Конечно, можно отыскать талантливую юную, окружить его самыми лучшими педагога-

разуется. Чего, мол, панику устраивать? Такие настроения больше всего вредят дальнейшему развитию нашей шахматной школы. Увы, они не редкость и в Шахматной Федерации и за ее пределами.

НАУКА ИЛИ СПОРТ?

Спросите легкоатлета, футболиста или конькобежца, что такое бег, футбол, хоккей — спорт или наука? «Конечно, спорт!» ответят все. Теперь зададим вопрос шахматисту. Он, пожалуй, скажет: в шахматах — элементы спорта, науки и искусства. Итак, у шахматиста наука есть, а в футболе нет. Выгод, конечно, странноватый, но не будем его оспаривать, посмотрим, как все обстоит на самом деле.

Тренеров по футболу готовят теми же методами, как и специалистов в любой другой области. Есть школы тренеров, есть кафедры футбола в институтах физической культуры, есть даже аспирантура. Ставят проблемы обучения и воспитания, систематически обновляются «опыт», вырабатываются методики. В общем, все «как у людей».

«Шахматисты — головопаше ребята. Наверное, у них это дело поставлено образцово», — скажет мало знакомый с шахматами человек. И будет очень удивлен, узнав, что шахматистам, хотя «близкая родственная наука», очень далеко до футболистов.

Еще в 1947 году вышел приказ тогдашнего Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта об организации в Высшей школе тренеров Шахматного отделения с контингентом в 90 слушателей. Если бы приказ был выполнен, то сейчас советские шахматы располагали бы по меньшей мере 600 тренерами высшей квалификации. На столько много, учитывая астрономическое количество серьезно занимающихся древней и мудрой игрой, но и не мало.

Хорошие тренеры у нас есть. Назовем, к примеру, мастера М. Шахова и кандидата в мастера А. Карельева, подготовившие Нону Гаршидзашвили, мастера А. Кобленца — его питомец Михаил Таль. В. Зак и гроссмейстер А. Толуха занимались с Борисом Спасским. Известны заслуженные мастера А. Константинопольский и недавно

СЕМЕРО СМЕЛОЖ

(К 30-летию челюскинской эпопеи)

...13 февраля 1934 года во льдах Чукотского моря затонул пароход «Челюскин». Все члены экипажа и научной экспедиции, в том числе женщины и дети, вышли на лед. В распоряжении челюскинцев не было средств, с помощью которых они могли бы добраться до земли. Советское правительство получило сообщение на «Лагере Шмидта» о том, что больше сотни советских граждан терпят бедствие, приняло самое решительное решение и в кратчайшее время было направлено пароходы и ледоходы, дирижабли и самолеты.

В эти дни газеты всего мира писали, что спасти челюскинцев невозможно, что им надо прямо сказать об этом, и гусыня они пытаются добраться до берега своими силами. Вопреки этим скептическим прогнозам советские летчики, преодолев громадные расстояния, добрались до ледового лагеря и спасли всех челюскинцев.

Пять долгих месяцев, с 13 февраля по 13 апреля, продолжалась упорная борьба за жизнь людей, и эта борьба кончилась блестящей победой. В спасении челюскинцев участвовали сотни людей. Много сделали для своего спасения и сами челюскинцы. Под руководством «ледового комиссара» Отто Юльевича Шмидта они проявили высочайшую организованность, железную дисциплину и беспримерный героизм. Все челюскинцы и десятки людей, принимавших участие в их спасении, были награждены орденами. А семь летчиков, которых вы видите на первом публикуемом снимке — (слева направо) СИГИЗМУС ЛЕВАНОВСКИЙ, БАСИЛИЙ МОЛОКОВ, МАВРИКИЙ СПЕШНЕВ, НИКОЛАЙ КАМАНИН, МИХАИЛ ВОДОПЬЯНОВ, АНАТОЛИЙ ЛЕПИНДВСКИЙ и ИВАН ДОРОЖНИН, — первыми в стране были удостоены звания Героя Советского Союза.

Н. КАМАНИН,
генерал-лейтенант авиации,
Герой Советского Союза

ми и «натаскивать» к любому крупному соревнованию. Но ведь это не способ возвращения на «малый шахматный Олимп».

Готовясь написать эту статью, мы обратились к некоторым советским гроссмейстерам с просьбой поделиться мнением о проблемах подготовки нашей шахматной молодежи.

Чемпион мира Т. Петросян считает, например, необходимым упорядочить подготовку высококвалифицированных тренеров-методистов, чтобы более умело, более искусно раскрыть и направить шахматные дарования. Вместе с тем он отмечает, что у многих молодых, способных шахматистов порою преобладают индивидуалистские настроения, отсутствует стремление к самостоятельному труду, к расширению своего творческого кругозора.

С мнением обладателя шахматной короны не рекламирует высказывание гроссмейстера А. Котова: «Я стал шахматным мастером в 25 лет. Перед этим много и серьезно самостоятельно аванировал. Став мастером, начал работать над собой еще больше, так как почувствовал, что знания повышают класс игры. Бывали дни, когда я сидел над шахматной доской по 16 часов. В «мастерах» я пробыл всего год — получил вполне продолжительный путь, могу сказать молодым шахматистам: главное — это трудолюбие. И чем способнее шахматист, тем больше он должен работать».

Гроссмейстер Д. Бронштейн отметил, что большинство шахматной молодежи увлечено спортивными показателями и на творческую сторону игры обращает мало внимания. Тренеры, как правило, пичкают своих подопечных дебютными сверхточками, забывая о том, что по-настоящему хорошим шахматным мастером можно стать, лишь широко познав творческое наследие классиков шахматного искусства.

Экс-чемпион мира В. Смислов сказал, что существующая в нашей стране сеть шахматных кружков и секций при Домах и Дворцах пионеров помогла выдвинуть не только многих талантливых мастеров, но и плеяды сильнейших в мире гроссмейстеров. Ведь, по меткому вы-

ражению писателя Л. Кассиля, все советские гроссмейстеры, начиная с М. Вогтинника, «ни одного происхождения».

Но ныне возникла необходимость создать новые формы работы с юными шахматистами. Полезным и интересным для выдвигания новых дарований являлось бы проведение ежегодных всесоюзных конкурсов по разнообразной программе.

А вот слова другого экс-чемпиона мира, М. Талля: «Я считаю, что среди наших юных шахматистов многие могли бы успешно выступить на международных соревнованиях. Однако успех не в последнюю очередь зависит от подготовки. Немало было разговоров о независимом результате в последнем юношеском первенстве мира ростовчанина Александра Захарова. Между тем молодой мастер фактически не был готов к ответственному составлению. Долгое время он не знал, будет ли играть в чемпионате мира, попал в непривычную обстановку турнира за рубежом, имел в активе лишь ростовский опыт. После неудач в Югославии Захаров сыграл в полуфинале, а затем и в финале первенства СССР. И сыграл для себя неплохо. Хорошая подготовка могла бы принести ему успех и на юношеском первенстве мира. О подготовке шахматистов-юношей — серьезной и глубокой — вообще не приходится думать взрослым».

Именно «взрослые». И за дело они должны встать по-взрослому — серьезно и продуманно. Ведь будущее не ждет. Вырваться шахматным классом, можно иметь много фигур против одного неприятельского короля, но при бесполой игре вместо мата «сорудить» пат. Особенно если играть близ.

Рисунок В. НЕДОГОНОВА

Н. АГАЯНЦ

ПЯТАЯ

Эти фотографии сделаны не так давно в горах штата Фаллон, в четырехстах километрах от Каракаса, столицы Венесуэлы. Сырой наметный грот—это штаб партизанского отряда. Здесь его командир обсуждает с товарищами планы боевых операций, здесь читает газеты, которые тайком приносят крестьяне близлежащих деревень, здесь он спит, подложив под голову вещешок.

Командира зовут Дуглас Брава. В Каракасе у него жена, трое детей, родители. Еще недавно Дуглас был студентом университета, мечтал о том дне, когда получит диплом. Но пробыл час, и вместе с друзьями он ушел в горы, чтобы с оружием в руках бороться против кровавого режима диктатуры, за свободу и счастье своего народа. Сейчас на территории пяти штатов Венесуэлы действуют партизанские отряды.

«В сентябре прошлого года жители Каракаса, выловив приемыши, были ошеломлены: в течение полусуток диктор рассказывал о задачах и целях Фронта национального освобождения, призвал народ усилить борьбу

против ненавистной диктатуры Бетанкура, предающей интересы своей родины американским империалистам. Эта группа патриотов захватила правительство радиостанции. В оставленной записке слышались сообщения, что они принадлежат и вооружены силами национального освобождения (ФАЛИ).

«В непроглядной мгле тропической ночи взметнулось пламя пожара. Нефтепровод Уле-Ауай, принадлежащий американской компании «Кирол норпорейн», взлетел на воздух. Это сделали бойцы вооруженных сил национального освобождения (ФАЛИ).

«С аэродрома в Сьенда-Бойваре поднялся двухмоторный самолет, принадлежавший аэромагистральной компании «Авенас», с 17 пассажирами на борту. Вместо того чтобы взять курс на столицу, он сделал несколько кругов над городом, сбросив тысячи антиправительственных листовок и направился в сторону острова Тринидад. Четыре хвосты (среди них одна молодая женщина), захватившие самолет и заставившие летчи-

ка изменить маршрут, были одеты в форму бойцов вооруженных сил национального освобождения (ФАЛИ).

«7 часов утра. По пустынным улицам Каракаса плавно катится роскошный лимузин помощника главы американской военной миссии полковника Джеймса Шенк Стоп Машину останавливает группа людей с автоматами. Пентагоновского воюю захватили патриоты из «бравых тактических групп» вооруженных сил национального освобождения (ФАЛИ).

Что же такое ФАЛИ? В течение последних двух лет обстановка в Венесуэле достигла крайнего напряжения. Из-за требования венесуэльского народа проводить внешнею и внутреннюю политику в национальных интересах диктатор ответил кровавым террором. Демократические организации, и в первую очередь коммунистическая партия, подверглись жесточайшим преследованиям и гонимьям. Беспрецедентные жестокости, постоянная угроза ареста и физического уничтожения вынудили многих патриотов взяться за оружие.

В 1962 году при Фронте

национального освобождения были созданы вооруженные силы национального освобождения (ФАЛН), состоящие из «боевых танцевальных групп» (их еще называют «городскими партизанами» партизанских отрядов, действующих в горах. «Добиться свободы страны не удастся, за Венесуэлу — вот возмунтственный патриотот. Их действия отличает внезапность, отвага, тонкий расчет. Недаром давняя американская газета «Нью-Йорк геральд трибуна» была вынуждена признать: «ФАЛН, несомненно, является самой эффективной и изобретательной партизанской силой в Латинской Америке». Главной оплот вооруженных сил национального освобождения Венесуэлы — молодежь».

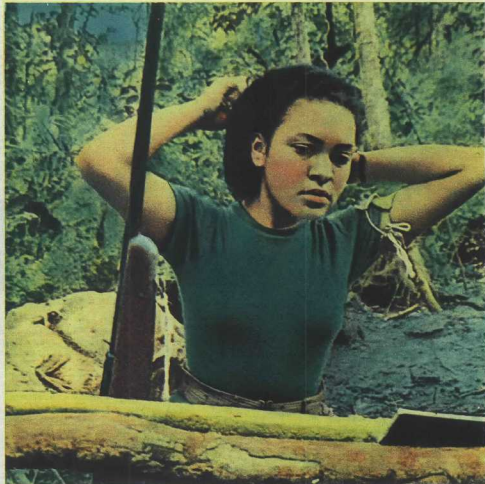
Ни танки, ни авиация нарателей не могут сломить волю венесуэльских партизан к победе. Они поднялись на священную борьбу за свободу и независимость своей родины. Патриоты с повозкой ФАЛН на руинах гимнастории зовут народ на борьбу. И народ оказывает им всемерную поддержку, ибо видит в них защитников своих интересов. А положение венесуэльского народа крайне тяжелое.

Борются американского монополистического капитала, которые навязывают колоссальные деньги на эксплуатации природных богатств Венесуэлы, сделав все возможное для того, чтобы превратить эту страну в образцово — позорную витрину «свободного мира». Но нигде контрасты не чувствуются столь ошутливо, как за этой «витриной». В Каранасе для богачей возводятся небоскребы из стекла и бетона, а трудящиеся живут в труппах толстостенных «кадиллаках», а простым людям приходится запомнить буквально наизусть, даже на поездах на городском транспорте. А тысячи безземельных крестьян, голодных детей, безграмотных и слепых патриотов, томимых в тюрьмах застенках и за решеткой проволочной концлагерей?

Ставленники американских монополий падают Рошуло Бетанкуру до 11 марта нынешнего года занимавший пост президента Венесуэлы, еще раз выслушивается перед своими земляками из Белого дома. По их указанию обратился в Организацию американских государств с заявкой на... Клубу, пытались обвинить геронический остров Свободы в том, что якобы отступил в Венесуэлу поставлять оружие для партизан. Специальная комиссия ОАГ, направленная в Каранас, в течение нескольких недель занималась детальным происхождением оружия, найденного на побережье Венесуэлы. И вдруг — какой конфуз! — оказывается, что это оружие было взято из арсенала не больше, не меньше, как печально известного американского ЦРУ. Так провокаторы сами в ловушку Фальшивая омма разоблачена.

Трудящиеся Латинской Америки, поддерживающие справедливую борьбу народа Венесуэлы за независимость решительно осудили попытки американских империалистов свалить вину с большой головы на здоровую.

Патриоты Венесуэлы продолжают героическую борьбу против засилья американских монополий. В стране поднимается небывалая по своему размагу война за bastовую. Боевой рабочий класс все больше осознает свою ведущую роль в антиимпериалистическом движении и объединился с обездоленными крестьянами, ненавидящими своих и чужеземных притеснителей. Десятки тысяч мужественных борцов за свободу готовы подписаться под словами члена Центрального комитета Комсомола Венесуэлы Элой Варгаса: «И рухнет темница. Тысячи лучших сынов и дочерей народа обретут свободу. За долгом этому — наша решимость бороться до победного конца... Венесуэла охвачена пламенем гнева. Мы победим!»

Отряд перед боем.

гда мы обрубим щупальца страшного струта, ни которого — империализм... И рухнет темница. Тысячи лучших сынов и дочерей народа обретут свободу. За долгом этому — наша решимость бороться до победного конца... Венесуэла охвачена пламенем гнева. Мы победим!»

Командир партизанского отряда Дуэлас Браво (фото внизу).

БЕСУЭЛА

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Доходы монополий США в Венесуэлу за последние десять лет составили 4 миллиарда 127 миллионов долларов.

Ежегодно в Венесуэлу умирает от голода свыше 14 тысяч человек.

Только в Каранасе 300 тысяч человек обитают в лагерях, сбитых из жести и старых шин.

12 миллионов акров венесуэльской земли принадлежат свероамериканским компаниям, в то время как 3/4 сельскохозяйственного населения — безземельные крестьяне.

Из каждых 100 трудоспособных жителей Венесуэлы 14 не имеют работы, а 38 являются частично безработными.

на берегу залучинного Эйвона, в пригородном деревне Свентой Тромпы города Стратфорд-на-Эйвон хранится древняя книга. Она всегда открыта на одной и той же странице. За четыре столетия поблели чернила, пожелтели бумаги. Но каждый, кто склонится над книгой, прочтет, что 26 апреля 1564 года здесь был крещен мальчик, которого нарекли Вильямом.

О котором мечтала стратфордский ремесленник, глядя на своего младшеца, безмятежно раскучившегося в колыбели. Но не думал он, что через триста лет где-то в снежной Московии Великий назовут его сына королем драматических постов, а Пушкин скажет: «Отца наш Шекспир...»

Семнадцатый век забыл Шекспира. Восемнадцатый — спорил о Шекспире. Деятельнейший — признал Шекспира всемирную славу. И как нередко случается, слава породила сомнения.

До середины прошлого столетия никому не приходило в голову сомневаться в том, что именно Вильям Шекспир написал великие трагедии, суровые хроники, шаржающие комедии. И друзья и недруги Шекспира считали его бесспорным автором пьес, погрязших английскую сцену. Знал это Бен Джонсон, младший современник Шекспира, повесливший восторженные строки звезде покров — несказанно бедному Эйвону. Знали это коллег Шекспира по театру, издавшие в 1623 году посмертное собрание его сочинений.

А в XIX веке ученые малобуквенно, обвинявшие поход против великого драматурга, начали подкапывать для поминиссовых пьес воле «подходящего» автора среди титулованной английской знати времени королевы Елизаветы I. В 1856 году знамя борьбы против Шекспира развернула американка Делла Бокон. Она решила поведать миру, что шекспировские пьесы написала философ Фрэнсис Бокон — барон Вержулавский, лорд-капитан королевства. Когда ее вина под интригованном заглавием «Разоблаченная философия шекспировских пьес» еще находилась в наборе, американка пришла в Стратфорд. Местные власти разрешили ей вскрыть могилу Шекспира, в которой она надеялась найти доказательство, подтверждающее ее «теорию». Ноги перед вскрытием могила Делла Бокон провалила в церкви Святой Троицы, где похорона

праз Шекспира. Наутро американку пришлось связать и отпрпать за ошейник; через год она окончила свои дни в доме для буйнопомешанных.

Но азам, вымыслам на рук Деллы Бокон, подхватили другие любители сенсаций. Кто только не пытался за это лет в претендентах на наследие Шекспира! Лорд Ротланд, лорд Зенсек, лорд Осфорд, лорд Дерби, сама королева Елизавета... Но и после того, как одна за другой провалились попытки приписать шекспировские пьесы кому-нибудь из арестованных, антишекспировцы не успокоились. Известно, например, что Шекспир вскоре после свадьбы уехал в Лондон. Этого факта оказалось достаточно для «теории», по которой жена Шекспира, оставшаяся в Стратфорде, с горя принялась писать комедии исылать их мужу в столицу.

Наступление на Шекспира продолжается и в наши дни. Ровно через это лет после дебюта Деллы Бокон с новою «теорией» выступил американец Кэвль Говман. Он выдвигает доказательства, что шекспировские пьесы принадлежат перу Кристофера Марло — талантливому драматургу, убитого при заставивших обстоятельствах в 1593 году. Говман не сумел то, что Шекспир творил до 1613 года, что в начале 90-х годов XVI века, еще при жизни Марло, в подлинном театре «Глоубьюзи» пьесы Шекспира, не сумел то, что смерть Марло подробно описана в подлинном протоколе. Говман безуспешно, что в пользу его «теории» не было никаких аргументов. За ним оно тоже пошло в пробы, и в 1956 году всерыл фамильный слеза лорда Уолсингем, где он осмелел выйти тел Марло и его рукописи. Но как выстулово лицо Говмана, когда в слезе он увидел лицо глупца неса!

Почему же антишекспировцы вот уже долгие столетия мечутся между двумя на Шекспира? Они не могут примириться с мыслью, что величайший из великих англичан — простой актер, даже не получивший университетского образования, сын ремесленника, человеком из народа несамодельным домом и кулаком несека в типичных понятиях опровергнуть авторство Шекспира? Они сами объясняют причины своих измышлений: «Шекспир не мог примириться с мыслью, что величайший из великих англичан — простой актер, даже не получивший университетского образования, сын ремесленника, человеком из народа несамодельным домом и кулаком несека».

Но Шекспир действительно загадка человечеству загадка. Почему сейчас, во второй половине XX века, на афише молодого Северо-Осетинского театра можно увидеть пьесу называющую шекспировских пьес? По

чему юные строителя коммунизма, затаив дыхание, слушают печальный рассказ о любви Ромео и Джульетты? Почему Максим Горький, призывая советских писателей сделать главным героем современной драмы строителя новой жизни, советовал «учиться писать пьесы у старых, неправдоподобных мастеров этой формы, и больше всего у Шекспира?»

Гений Шекспира расцвел в эпоху Возрождения, одного из величайших прогрессивных переворотов в истории человечества. Это был бурный период ломки общественных отношений, когда на смену старому укладу приходила новая, прогрессивная для своего времени буржуазная строй. Долгие столетия среди невежественных церковь убеждала людей, что человек — всего лишь бесправый вассал всесильного и жестокого бога, жалкий раб, уда которого — надежда на загробное блаженство. В эпоху Возрождения рухнула духовная диктатура церкви, и люди устами шекспировского Гамлета провозгласили: «Что за мастерское создание человек! Как благороден разум! Как беспредельна в своих способностях, обычных и движимых! Как точен и чудесен в действиях! Как похож на ангела глубоким постижением! Как он похож на некоего бога! Краса вселенной! Венец всего существа!»

Шекспир быть может, тверже, чем многие из его современников, верил, что венце всего живущего, краса вселенной имеет право на счастье. Вечествованым гамлетом свободному, самостоятельному человеку звучат полные безудержного веселья шекспировские комедии. В этих праздничных проведенийх небо не всегда безоблачно. Иногда счастье счастья затмевает грустной дымкой, иногда заблуждают темные, злые тучи. Но своими комедиями Шекспир говорит: счастье достойно тех, кто борется за него.

И герои Шекспира борются. Борется в «Духу веронцах» нежная Юлия, отравляясь в опасные страсти на похоси своего неяркого возлюбленного. Борется в «Двенадцатой ночи» юная Вивла и доказывает, что счастье приходит с настоятельной любовью. Борется в «Венецианском купце» мусрала Лорина, смело вступающая в подносок с жестоким ростовщиком Шейзоном и не без боя добываясь, что он неопобедим.

Однако Шекспир видел, что тор

жество над злом не всегда приходит так легко. Время, в которое жил Шекспир — это не только эпоха великих завоеваний человеческого гения, блестящих успехов искусства и литературы. В эту же пору в Европе пылали костры, на которых сжигали титаны свободной мысли и женщины, обманенные в колдовстве. В эту же пору английских крестьян тысячами стопами и семьи, а потоки казнили. Виселица у дороги стала более обычной деталью английского пейзажа, чем дерево. Старое отступило с тяжелыми богами, неслышно за средневековые привилегии. А на смену феодальному кулачному праву шла власть золотого менши — власть, не гнушавшаяся никакими преступлениями, подлостями, обманом, И, возмущенный всеобщим злом, в минуту самых тягостных раздумий над судьбами человечества, Шекспир воскликнул:

Зову я смерть. Мне видеть нетверпено Достоинства, что просит подьяде. Над прощаньем глумлюсь я ином. Ничтожество в розскомном одеянии. И совершенству лопной совеней. И действительности, поруганную грубо, И несуровой почести позор. И мощь в плену у немощи беззащитной. И примочу, что глумиться смеяет. И глумиться в маске мудреца, пророка. И влохновения глумится рот. И правденность на слугебу у порока. Все мерзостно, что вижу я у порока. Но как тебе понинуть, милый друг!

Так родились шекспировская трагедия.

В трагедиях Шекспира злетья злого зрелища, гибнут прекрасные люди. Но великая трагедия Шекспира — это не רקанное добро, вступающее в неравную схватку со злом. С той же страстью, с которой Шекспир любил все лучшее в человеке, он ненавидел силы, мешающие людям добиться счастья. И Шекспир верил: намиж бы хитрым и коварным ли было зло, какиж бы жертвы ли требовала борьба с ним, — оно может быть побеждено и должно быть побеждено.

...Принц Гамлет спешал вернуться в мрачный Элсинор на похороны отца, а ушел на свадьбу матери. Он узнает страшную тайну: король Клавдий отравил своего родного брата, отца Гамлета, и женился на вдове убитого. Гамлет окружен шпионами, провокаторами и просто ничтожными людьми — вольными и невольными пособниками короля-преступника. Что же делать? Смириться? Уйти в изгнание? Дни и ночи проводить в мучительных сомнениях.

Все более ясно становится Гамлету, что встать против несправедливости — значит не просто убить Клавдия, а поднять оружие на море зла, заставить мир. И Гамлет приходит в себе сила на востание. Пусть он не знает, к чему приведет это востание, пусть скатана со злом противоборет, чтобы Гамлет отдал свою жажду мести. И Гамлет понимает, что честный человек должен бороться за правду, справедливость, гуманность. В этом — великая победа Гамлета. В этом — великая победа нексиарского оптимизма.

...Прогрессивный воин, способный на великую любовь, великую нежность, великое доверие, походящий в завидно эстетических хитросплетений. Отелло черен, но он не драк. Он окружен злобными белыми варварами, рвущимися к власти, мечтающими о зарье, всевозможной жадной золота, — тысячи привлачивающих диаволов, как Иго. Он призывает себе на помощь все свое коварство, чтобы извести Отелло до своего последнего урона. На какой-то момент это же у него, и истеричный ренессанс. Отелло казнит невинную Дедему. Но победа Иго — лишь временный успех. Отелло понимает, что совершил неоправданную ошибку, и уходит из жизни. Но он видит, что добро, чистое существует в мире.

...В разгораченный жарким боем мозг Макбета эфемер впадает мысль: почему не я, победоносному полководцу, призывать проклятый престол? Почему его родич, добрый герой Дункан, завещая трон своему сыну Малькольму? А тут еще великий предостережение: колоссальный трон и жена напуганная ему: убить Дункана, самому надеть корону — ведь это так просто сделать, когда доверчивый король отвлеченный в камель! И — лишь неслучайно воин под покровом ночи совершает гнусное преступление.

Исполнилась честолюбивая мечта Макбета. Но убийца не знает покоя. Ни бессмысленные жестоности, ни шипящие корды не кончат Макбета обо всем, что творится в домах его подданных, не могут остановить распада его державы. Один за другим блещут сокровища Макбета стокатьса к Малькольму, возглавляемому востание против тирана. И проклятый весь народом, Макбет находит смерть под стемлами своего родного замка.

Но Макбет гибнет не потому, что волею Малькольма оказалось сильнее. С той самой минуты, как Макбет метнулся на путь кровавых преступлений, в его душе развивалась знающая сила. Живая для него — лишь скачка, рассказанная злобным являтом. В предсмертном бою он бросает смелый вызов противнику; но в глазах Макбета — лишь неслучайная тоска самоубийцы. Так мрачная трагедия становится приговором тирану.

Потрясенный, покаялся человек театр. Он знает, что добро и счастье нужно беречь хранишь, что за добро и счастье нужно стоять насмерть.

Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой.

Это слова Гете. Но это же говорит своим драмам — Шекспир. Вот почему Шекспир — наш современник, верный союзник в нашей великой борьбе за счастье всего человечества.

Ю. ШВЕДОВ,
доцент, кандидат филологических наук

РЕЧНОЙ САМОСВАЛ

Варна с лесом накренилась, и бреша с грохотом посыпалась в воду. Несчастно погибший — и судно грузобоемства в две тысячи тонн освобожден от груза. А вода рваные 70 минут была усердно разгужать его за целый день.

Варна-самосвал оборудована специальным устройством, позволяющим искусственный ярус. Если водой наполнить балластные цистерны, расположенные по одному борту, башмак можно перевернуть, вылив воду из корпуса.

После разгрузки осадки судна умягчаются, цистерны опорожняются выше уровня воды, и вода из балластных цистерн самовольно выливается через отверстия, которые имеются для их наполнения.

Это изобретение снижает стоимость разгрузки каждого кубометра леса в два рубля до шести копеек.

Любопытно, что идея создания водного самосвала, принадлежавшая заслуженному изобретателю РСФСР А. Н. Луковичиному, возникла еще в тот момент, когда он наблюдал аварию баржи. Судно дало течь, накренилось, и весь груз брешен мгновенно соскочил в воду.

РЕКЛАМА — ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ

Один парижский антиквар выставил в витрине своей лавки пять картин с туалетом с надписью: «Пять органов чувств». После продажи одной картины появился надпись: «четыре вре-

мени года». Когда остался три картины, он написал: «три года». Две получили название «день и ночь». Когда же, наконец, осталась одна, антиквар назвал ее: «одиночество».

С ВЕРХОБЛИННЫМ УЛОВ

Улов французского рыболова-любителя «Пиларно» вблизи Бордо оказался таким тяжелым, что при вылове трапа сломались все лодки. И он удалился.

В сеть попалось две английские подводные лодки.

ДОГАДЛИВЫЙ ЭЛЕКТРОМОНТЕР

Английский электромонтер Том Тейлор на строение 13-этажного дома безуспешно пытался просунуть телефонный кабель в трубу диаметром 5 сантиметров и длиной в 24 метра. Идея пришла неожиданно: в зооматериале он купил двух мышей: самца и самку. Привязав к хвосту самца тонкую крепкую нитку, ниспустил его в трубу с одного конца, а самку за пояском помощнику, стоявшему на другом конце. Самцы затерпелся и своей подруге, в а нитку потянулся нитка, с помощью которой и был протянут кабель.

СЛУЧАЙ НА ГРАНИЦЕ

Композитор Стравинский рассказывал, что однажды при переезде через ита-

лианскую границу таможенника подвергла его неприязни: осмотру; заставил раздеться, вывернул все карманы и детальношим образом обсу-

Случилось это потому, что обнаруженный в чемодане Стравинского его портрет работы Пикассо таможенники приняли за набросок итальянских военных устрелений, а музыканта — за лозокко шпана.

ЖЕРТВА ЛЮБОВАТЕЛЬНОСТИ

В лондонском отдаленном итальянской туристической котворы явился один англичанин с жалобой на мошенника, который выманял у туриста на за час про что 1 200 фунт.

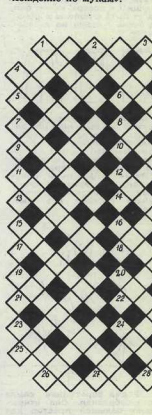
— Дело было в Пизе. Турист-англичанин поставил свою машину возле знаменитой Пизающей башни. К нему подошел неизвестный с требованием уплатить страховку на случай, если машина вдруг улетит на автомобиле. Англичанин уплатил необычную страховку и только по дороге домой понял, что стал жертвой обмана.

КРОССВОРД

Составил А. ВАХИТОВ
Абдулраимово, Башкирия

1. Стихотворение А. С. Пушкина. 2. Персонаж пьесы М. Горького «Враги». 3. Васия И. А. Крылова. 4. Поэзия Л. Н. Седулиной. 5. Сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина. 6. Стихотворение в прозе И. С. Турбина. 7. Персонаж «Мертвых душ». 8. Автор романа «Тургенев». 9. Поэма К. Ф. Рылова. 10. Автор пьесы «Третья патефоническая». 11. Действующее лицо романа С. И. Сергеева-Щенюкова «Семьдесят лет в жизни». 12. Герой повести А. И. Куприна «Поединок». 13. Автор произведения «Путешествие на Истебургу в Мексик». 14. Один из героев романа «Молодая гвардия». 15. Автор стихотворения «Не шуми ты, ромь». 16. Действующее лицо романа «Война и мир». 17. Один из героев повести А. Гайдара «Школа». 18. Герой романа Ф. В. Главанова «Чемпион». 19. Автор пьесы «Взгляд над сельской землей». 20. Персонаж романа И. А. Гончарова «Обрыв». 21. Действующее лицо повести А. И. Герцена «Что значаю?». 22. Персонаж комедии «Горы от ума». 23. Рассказ А. П. Чехова. 24. Автор сказки в стихах «Колос-топорик». 25. Автор «Донских рассказов». 26. Стихотворение В. В. Маяковского. 27. Роман Ф. М. Достоевского. 28. Персонаж трилогии А. Н. Толстого «Хорошие по мухам».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

1. Зоруч. 6. Названье. 7. Фитончик. 10. Названье. 14. Волос. 15. Ишалот. 17. Вилы. 20. Сивилла. 21. Тональность. 22. Наказатель. 24. Манера. 25. Мессе. 26. Косица. 28. Мирон. 29. Аллегория. 30. Игитерги. 31. Пикасарга. 32. Перит.

По вертикали:

1. Образование. 2. Суверенитет. 4. Каннифис. 3. Ириовис. 6. «Новоязык». 9. Вороникин. 11. Караванья. 12. Салвадор. 13. Лозокко. 14. Сивилла. 15. Названье. 18. Тонно. 19. Отин. 23. Регетованья. 24. Сосотания. 27. Арифмет. 28. Милоник.

Девятая сегодняшней моды — Хорошие настроения. Весну ждут не только японские, но и те, кто любит тепло, красиво и современно одеться.

В пятом номере «Смены» мы рассказали нашим читателям о модном талантливом художнике-модельере Вячеславе Зайцеве. Сегодня он выступает на страницах нашего журнала с комментариями современной моды.

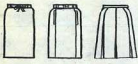
Легкость, непринужденность, «спортивность» — вот основные требования и платья, и костюмы, модные в этот год.

Созданию стройного, удлиненного силуэта способствуют подчеркнутые вертикальные линии в костюме. Преобладают силуэты полуприлегающей и прямой формы, с естественной линией талии и длиной юбки немного ниже колена (в среднем от 3 до 6 см). Это решается в зависимости от возраста и роста человека, а также размера одежды.

По-прежнему главное внимание мы уделяем верхней части одежды, особенно в разработке линии плеча. Здесь замечаются новые «открытия»: расширение линии плеча и несколько объемная форма оката рукава, что дает широкую возможность использования народного кроя.

Становятся популярными комплекты, например, платье из двух или трех частей, костюмы с жилетом, сарафан с блузкой. Модны блузы мужского типа с рукавом на манжете и большими воротничком.

Рекомендуются блузы прямого покроя, надевающиеся поверх юбки; они могут быть с поясом и внешне очень похожи на комбинезоны.

Основная форма юбок — прямая (на выкатах или заплатах), расширенная. Юбка может быть с одной складкой или с двумя. Популярными складками (встречными или односторонними).

Рукава — реглан и полуреглан, при этом по-прежнему популярны втачные рукава с более объемным окатом.

Формы воротничков самая разнообразная. Они открывают большой простор для вашей фантазии. А вот нар-

Фото М. МУРАЗОВА

маны удобнее делать прорезными. Они могут быть расположены вертикально или наклонно, в выкатах или рельефах.

Застежка — на выбор: как односторонняя, так и двусторонняя, но значительно симметрична и линии талии. Величина пуговиц различна. Маленькие пуговицы встречаются чаще в двусторонних пальто и костюмах.

Большое распространение получают всевозможные отделки из меха, искусственной кожи, трикотажа.

Шапки — береты, самые разнообразные — мягкие и жесткие, маленькие и объемные, шляпы типа лаваны, типа спортивных шапочек, плотно облегающих голову.

БУДЬТЕ

Эскизы современных моделей одежды весенне-летнего сезона, сделанные нашим обозревателем Вячеславом Зайцевым.

Фото М. МУРАЗОВА

Первая страница обложки: комсорт 1-го мартазовского цеха московского завода «Серп и молот» подручный стельера Владимир Кабанов.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бумажный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 8-61-83; отдел чернил и публичности — Д 3-31-03; международный отдел — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-87; песни — Д 3-30-87; науки и техники — Д 3-31-95; информации — Д 3-31-60; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самехин.
 Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Довлатовский, К. Н. Замощкин, Е. А. Ионов (заместитель главного редактора), В. А. Качков, Б. П. Кривоскип (ответственный секретарь), Е. И. Рабчиков, А. Б. Стуков.

Форматлене В. Соколова.

Технический редактор А. Шагарина.

А 00364. Подписано и печати 10/IV 1964 г.
 Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 745.
 Заказ № 1127. Формат бумаги 70 x 108/16.
 2 бум. л.—5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Обувь сохраняет слегка вытнутый силуэт с носким носком формы ногги. Но для работы и улицы наоблуду придали более удобную и устойчивую форму: он стал небольшим, толстым. Тонкий (5—7 см высотой) каблук-шпилька сохраняется только для вечерних туалетов.

Сумки разнообразны по характеру, но в основном это прямоугольные, приближающиеся к квадрату, а также вытнутая по горизонтали трапеция. Получают значительное развитие очень удобные небольшие городские сумки типа дорожного саквояжа, «сумка-портфель», сумка спортивного типа и вид плоского мешка.

Цвет: все оттенки золотисто-коричневых и ало-красных тонов, черные и слоновьи зеленые, белый и черный.

ОДНО ОЧЕНЬ СУЩЕСТВЕННОЕ ПОЖЕЛАНИЕ

Девушки, при любых обстоятельствах: дома или на работе, на улице или в театре — будьте адекватны, подтянуты, причесаны! Одежда должна быть отглаженной, обувь — чистой. Когда свободные дни эти зависящие только от вас условия, погрешности в вашем, может быть, и не совсем «модном» костюме не будут бросаться глаза.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МУЖСКОЙ ОДЕЖДЕ

В новом году большое распространение получают костюмы облегченного типа, всевозможные куртки без воротника, рубашки с крупными набивным рисунком из самых различных тканей, но отнюдь не из ярихи.

Пиджаны удлиняются, застегиваются на 2 или 3 пуговицы (не высокие), а также, правда, реже, и двубортная. Воротники и лацканы небольшие. Брюки без манжет, вису чуть шире по сравнению с прошлым годом (23—24 см), но узкие в области бедер и колена. Наступила пора позаботиться и о подготовке к лету.

Платье без рукавов, блузы с юбками, куртки клетчатые и полосатые в ансамбле с гладкими юбками и каблукот — не бойтесь цвета! Смелые сочетания: синее с белым, белое с красным, золотистое с коричневым, зеленое с синим — дают прекрасные решения костюма. Но, однако, во всем старайтесь соблюдать чувство меры и гармонии.

Для летнего вечера можно посоветовать небольшое платье из ткани недорогой, но интересных по цвету, платель из шелка с полуприлегающим лифом и с небольшим напуском на спине или платье-костюм новых синтетических тканей.

Избегайте перегрузки костюма деталями и отделкой. Не забывайте ткань драпировки и различными подрезами. Нарядная ткань нарядна в основном в крупных плоскостях — в неразрезанных кусках.

Вспомните, каним, может быть, небольшие, но все-таки праздничное было для вас платье, которое вам не деть, и как приветливо встретили вас на работе, когда вы впервые надели его. Пусть такие «подарки» себе и окружающим будут у вас чаще. Одежда служебно-делового характера позволяет использовать самые различные комбинации тканей по цвету, по фактуре и не требует дорогостоящих материалов.

Только при этом всегда надо помнить, что свежесть костюма, подтянутость залог хорошего настроения. А мы за хорошее настроение!

В. ЗАЙЦЕВ

КРАСИВЫМИ!

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820

Фото Л. РАСКИНА

И снова Весна

Музыка В. КРИЦОВА

Слова В. КУЗНЕЦОВА

Ремки сняты сны,
Что в руках весны
Ключик солнечный ласково
светится.

Озорник апрель
Открывает дверь:
«Я хочу, весна, с тобою
астретиться».

Привет:

Спит апрель проселками,
У леса в глубине
Слиная снежок под алками,
Как заяц по весне.

Осыпает день
Мокрую сирень,
Посмотри в небо синее, звонкое,
В тишину озер
У зеленых гор,
Где бежит весняночка девчонкою.

Привет.

В чуткой тишине
Я скажу весне:
Пусть шумит ветер белыми ивам,
Пусть несет река
Лодки-облака,
Я зову весну своей любимую.

Привет.

Легко, подвижно

Где жила душа моя, что в руках весны ключик
солнечный ласково светится. Озорник апрель открывает дверь: я хочу весну тебе
встретиться. Он шепчет апрель про себя на мне у леса в глубине. Он слышит
под алками снежок под елками, как заяц по весне. Он слышит
в чуткой тишине я скажу весне: пусть шумит ветер белыми ивам, пусть несет река
лодки-облака, я зову весну своей любимую.